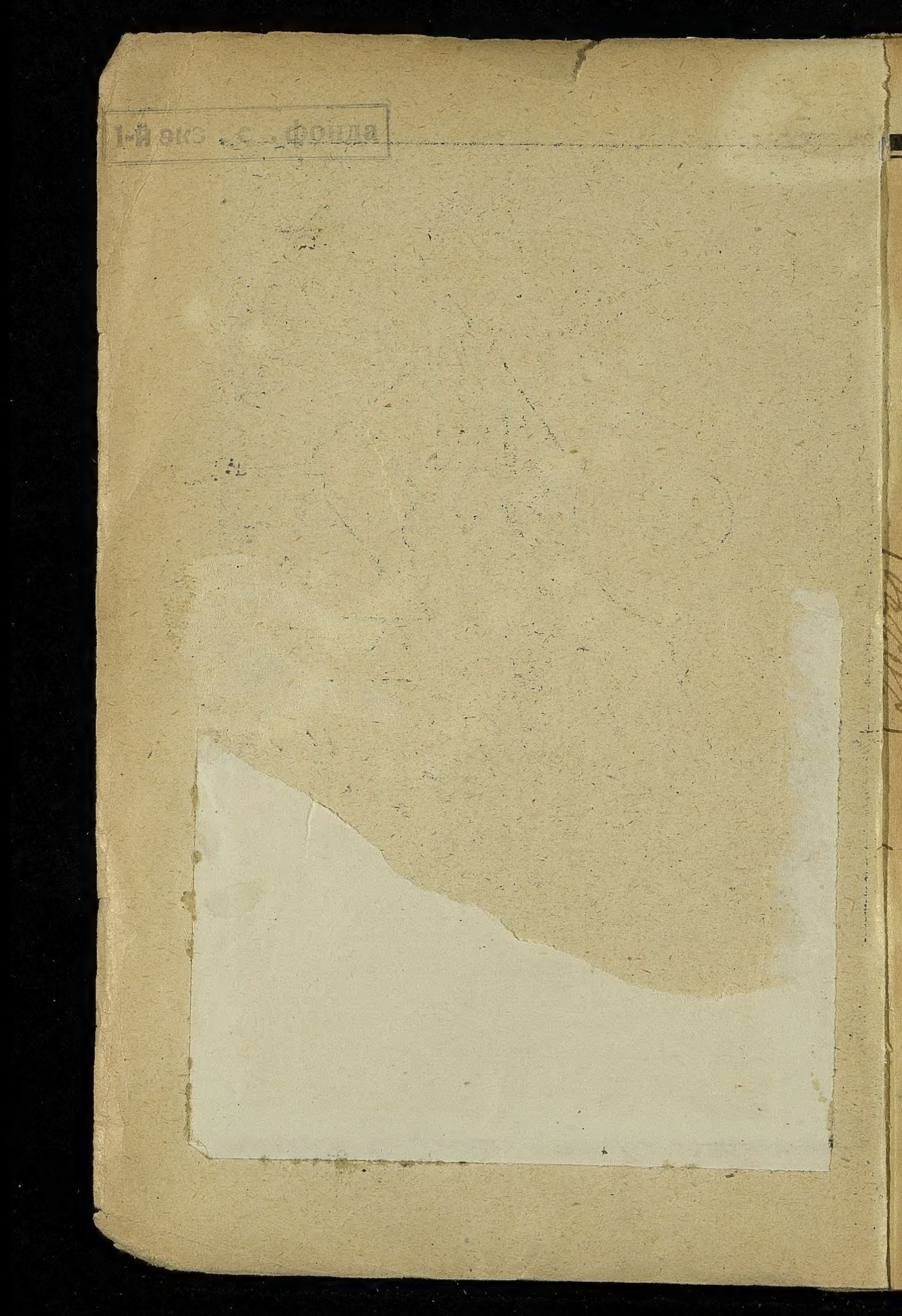
Е 43 772
1-й экз. ос. фонда

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАБОЧИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ и ШКОЛЬНЫХ КЛУБОВ.

ПРИБОЙ: ЛЕНИНГРАД 1924

1-й экз. с. фонда

E43 772

940.9

327
И-57

ПРОВ. 1935

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ)

Материалы для рабочих, красноармейских и школьных клубов

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ» Ленинград 1924

32616-89

Государств. публичная историческая библиотека

Ленинградский гублит № 9711. Тираж 10.000.

Государственная тип. имени тов. Зиновьева, Социалистическая, 14.

От составителей.

Материалы данного сборника распадаются на:

1) инструктивные статьи и методические указания,

2) фактический хрестоматийный материал для проработки политических кружках,

3) художественный хрестоматийный материал для самодеятельных инсценировок и использования в художественных кружках,

4) готовые пьесы и инсценировки,

5) материалы для живой газеты, куда, по выбору, вообще могут войти все проработанные и непроработанные инсценировки, отрывки и фактические данные,

6) стихи для сольной и коллективной декламации,

7) материалы для „новых видов“ массовой работы (живое кино, живые картины и т. д.),

8) библиография.

При составлении сборника, составители желали дать возможно больше материала и возможно больше разнообразных форм массовой работы.

Предлагая значительное количество обработанного материала для непосредственного художественного исполнения, они оставили ряд вещей в более или менее сыром виде для того, чтобы обеспечить клубистам возможность самостоятельно разработать и выполнить свою собственную инсценировку и т. д.

На такой широкой кампании, как „десятилетие империалистической войны“, можно и должно проявить максимум необходимой инициативы и самодеятельности. Равным образом, следует изобретать и выдумывать новые формы агитационно-пропагандистской работы, так как только благодаря новизне, яркости, ударности, инициативе наша клубная работа может успешно двинуться вперед.

В. Регинин (Никита).
Вл. Северный.

„Империалистическая война“ в клубах.

Методические указания.

В ознаменование 10-летней годовщины мировой бойни в этом году проводится „Неделя 10-летия империалистической войны“.

Весь материал, данный в настоящем сборнике, может быть целиком приспособлен к агитационно-пропагандистской работе клубов в эту неделю.

Это не „день“, не только юбилей—это *длительная кампания, требующая разнообразия форм и способов выявления основных причин и предпосылок всякой империалистической войны, противоречий капиталистического мира, целей, преследуемых буржуазией в мировых бойнях, жалкой роли социал-соглашательских партий и необходимости обращения империалистической войны в войну гражданскую* для достижения конечного мира, являющегося результатом конечной победы пролетариата.

Вся программа „недели“ должна быть построена так, чтобы в ней не было дешевого, интеллигентского пацифизма, охания и ахания над ужасами войны, как таковой, войны, безотносительно с кем и для чего она ведется.

Мы даем в этом сборнике ряд материалов и картин лучших описателей мировой бойни, подчас жестоко и резко описывающих ужас и гнусность этой бойни, где миллионы рабочих и крестьян режут и убивают миллионы таких же трудящихся людей, без цели, без понимания того, что творят.

Именно эту сторону тупого взаимного убийства миллионов обманутых людей и надо оттенить клубистам.

Противоположностью являются материалы и сцены нашей гражданской войны, где каждый воин сознательно и героически отдает свою жизнь за дело освобождения трудящихся.

Сопоставляя войну империалистическую и войну гражданскую, нужно выявить ежедневную возможность нового взрыва, новой бойни, еще более ужасной и звериной, чем война 1914-1918 г., и наглядно показать, что войны прекращаются навсегда не „мирными“ конференциями или Лигой Наций, а во-

оруженной рукой пролетариата, и что всякую попытку империалистов в будущем затеять новую международную бойню пролетариат должен превратить в гражданскую войну.

Весь клуб, все кружки следует поставить на ноги.

Прежде всего нужно провести совещание клубного совета, наметить программу, „кампанию“, точно и детально распределить отдельные постановки, доклады и т. д. по дням и назначить ответственных организаторов по каждой форме массовой работы (по выставке, по живой газете, стенгазете и т. п.). Таким „ответственным“ может быть любой активист—член клуба.

Каждому дается определенное задание, определенные ясные директивы и группа товарищей для помощи.

Выставка. Вторым шагом будет подготовка к выставке. Даже при большой бедности клуба, он должен отвести хотя бы уголок, хотя бы доску с фотографиями, картинами и диаграммами мировой войны. В нашем сборнике вы найдете статьи об устройстве уголка империалистической войны.

Уголок следует поместить в общей комнате клуба, наиболее посещаемой.

Библиотека. Библиотека выделяет для „уголка войны“ книжную выставку из книг по данной теме, имеющихся у нее. Одновременно разрабатываются иллюстрированные списки, рецензии на книги, подбирается материал для громкого чтения.

Стен.-газета. Ко дню 10-летия выпускается стенная газета. Кроме основных статей о причинах и следствиях войн, следует оттенить и указать на ряд „подводных“ конфликтов, все время маячащих призраком новой бойни (Версальский мир, Тихоокеанский вопрос, турецкий и колониальный вопрос, соперничество Англии и Франции и т. д.). Стен-газету рекомендуется обильно иллюстрировать. Для иллюстрации лучше всего взять талантливейшие примитивы и каррикатуры немецкого художника—Гросса.

Кружки. Готовить пьесы, конечно, будут художественные кружки.

Но для живой газеты, для агитсуда, инсценировок, живых картин желательно об‘единить художественные кружки с политическими, по принципу комплексности, стараясь сделать из тех и других единые ячейки действенной пропаганды.

В таком случае работать над сценарием и „подгонять“ его для выполнения будут политические кружки, попутно знакомясь с теоретическими вопросами данной темы и разбирая их под углом своей программы.

Таким образом, получается и детальная разработка вопросов на конкретном, живом материале и приобретаются инструкторские навыки у кружковцев. Можно сделать и иначе (ячейка действенной пропаганды), т.-е. заставить и политические и художественные кружки совместно прорабатывать темы, под-

готовлять сценарий и исполнять его на сцене. Это труднее, но лучше всего это обеспечивает максимальную самодеятельность со стороны кружковцев.

Во всяком случае, исполнители должны быть твердо знакомы с общими тезисами и лозунгами, под которыми проходит та или другая форма массовой работы.

Это обеспечит лучшее понимание вещи и, следовательно, лучшее исполнение, помимо об'ективной пользы.

Лучше всего, в начале проработки материала, в кружках устраивать общие собрания кружковцев и участников, на которых рассказать план работы, цели, задачи и характер кампании и сделать подробный инструктивный доклад.

Полит-игры. Можно приготовить начинающие уже появляться в наших рабочих клубах полит-игры.

Лучше всего взять простейшие формы: полит-аукцион, полит-лотерею, полит-фанты и заранее подготовить к ним вопросы (см. указания о полит-играх).

Проведение недели. Данный в сборнике материал можно для проведения кампании разбить на несколько частей, так как *кампания будет длиться не один день.*

В первый торжественный день годовщины лучше всего *поставить живую газету,* наиболее полно освещающую этапы и перипетии войны.

Живой газете должно предпослать доклад, по возможности с кино или световыми картинами.

Живая газета (см. указание), проведенная в деятельном и быстром темпе по тезисам, указанным в начале этой статьи, подготовит членов клуба для полного понимания дальнейших вечеров, посвященных войне.

В другие дни можно дать вечер со спектаклем и концертом, затем поставить *агитсуд* (см. указания), на третий-четвертый день—*живое кино, живые картины* и *полит-игры.*

На всех вечерах (особенно на первом) следует поддержать всеми способами серьезное, вдумчивое настроение. Клубисты должны продумать до конца причины и последствия мировой войны. Поэтому программу нужно подбирать очень обдуманно, чтобы один номер логически следовал за другим, не вызывая перебоя в настроении, не диссонируя.

Музыка, стихи, пьесы, живые картины должны только развертывать и усугублять мрачную картину великой бойни.

Конец, финал всех вечеров непременно разрешается будирующими и грозными лозунгами „война—войне“, лозунгами гражданской войны и всемирного Октября.

Следует одну часть уравновесить с другой,—только тогда от вечеров не останется гнетущего настроения, и, наоборот, будут доминировать мотивы борьбы и победы.

В *антрактах*, чтобы зрители не отвлекались от хода действия, можно проводить полит-игры или устраивать неожиданные интермедии, выносить плакаты, рекомендовать литературу, устраивать хоровое пение или коллективную декламацию в публике. Особое внимание при проведении кампании должно уделить новым формам массовой работы—именно: полит-обозрению, живому кино, раешнику, живым картинам и т. д.

Следует использовать и принятое современным театром: коллективное действие, голоса из публики, выход артистов из зрительного зала на сцену, об'единение зала и сценической площадки.

Самое главное—это удержать основной ритм вечеров и отдельных номеров, чтобы не было разнобоя, чтобы не было ничего лишнего, отвлекающего и расхолаживающего и чтобы программа велась в плане контрастов.

Например—фронтовым картинам должно противопоставить тыл, мировой войне—гражданскую и т. д.

Уличные шествия и массовые действия. Во время проведения кампании годовщины, клубам непременно придется выйти на улицу, на площадь, принять участие в шествии.

К этому следует тщательно приготовиться.

Кроме неизбежных плакатов и лозунгов, нужно придумать более или менее оригинальные костюмы для некоторых участников шествия, например: костюмы генералов, инвалидов, калек, костюмы в виде пушек, снарядов, танков и т. д.

Непременно сколачивается группа артистов и подготовляется агит-балаган, частушки, сценки, живые картины для исполнения на улицах.

Для этих целей может пригодиться многое из материалов, помещенных в сборнике.

Выступает хор, устраивается раек, маски импровизируют различные сцены. В случае надобности—организуется массовое действие.

Для этого лучше всего взять сцены митинга с Карлом Либкнехтом из отрывка книги К. Фибих „Красное море“, имеющиеся в сборнике, или сцену из повести А. Толстого—„На фронте“, которые могут быть переработаны в очень живые и яркие картины.

Последующая работа. После проведения кампании следует обязательно учесть ее опыт, для чего еще *во время проведения устраиваются опросы зрителей*, собираются письменные отзывы, устраиваются беседы по поводу виденного, а потом на общих собраниях кружков и организаторов подводятся окончательно итоги работы, учитываются ее достоинства и недостатки.

Уголок „к десятилетию империалистической войны“.

1. Задача уголка.

Наши клубы должны начать подготовку к ознаменованию десятилетия империалистической войны. Этой цели, на-ряду с кружковой и массовой работой клуба, будут также служить специальные уголки.

Задача таких уголков—не в том, чтобы воспроизвести и иллюстрировать в деталях все этапы и фазы войны, чтобы дать ее точную хронологию или „натаскать“ клубистов по вопросам военно-оперативного и стратегического характера; не имеет также значения непосредственный повод к войне. Все это—вопросы второстепенные, не в них суть дела. Организацией уголка мы преследуем важнейшую политико-воспитательную цель: привить клубистам и посетителям клуба вообще углубленное понимание природы капиталистических войн, как результата хищнической политики буржуазии, ее стремления к разделу всего земного шара и развивающихся на этой базе крупнейших противоречий между отдельными капиталистическими группировками. На-ряду с этим, приобретает особое значение раз‘яснение роли вождей 2-го Интернационала и политики социал-шовинистов в минувшую империалистическую войну. С особой отчетливостью в уголке должна быть отображена и подчеркнута занятая русскими большевиками, под руководством В. И. Ленина, позиция по отношению к империалистической войне, изобличающая предательскую роль социал-шовинистов.

„Когда оппортунизм и шовинизм на время восторжествовали в главнейших европейских партиях, 2-й Интернационал перестал существовать. На смену ему придет новый Интернационал“—это заявление Владимира Ильича, сделанное им после об‘явления войны (см. ст. „Интернационал и защита отечества“), а также провозглашение лозунга *„Война—войне“* и *„Империалистическую войну нужно превратить в войну гражданскую“*—уголок должен раз‘яснить и иллюстрировать путем подбора соответствующих материалов и популярной их обработки в виде пла-

катов, альбомов, папок и т. д. Наконец, главный смысл уголка заключается в том, чтобы уяснить и показать невозможность прекращения войн без свержения буржуазии и что новая империалистическая война в любой день может возникнуть на почве тех или иных столкновений между отдельными капиталистическими группировками... Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или, вообще, торговой политике и т. д. и т. д.". Так писал Владимир Ильич в „Заметках по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге". Если нашим клубным работникам удастся с достаточной рельефностью отобразить эту мысль экспонатами, взяв наиболее актуальные для данного момента споры между отдельными капиталистическими странами, которые указаны в вышеприведенной цитате, то они выполнят большой политико-воспитательной важности задачу, и уголку несомненно будет обеспечен желаемый успех.

При устройстве уголка особенно тщательно нужно избегать всяких моментов, могущих зародить пацифистские идеи. *Мы против империалистических войн и за войну гражданскую, победоносный исход которой единственно способен дать мир человечеству*—вот каковы должны быть основные лозунги и основная мысль, заложенные в организацию уголка.

2. Отделы уголка.

Из сказанного выше явствует, какие, примерно, отделы должен содержать уголок. Весь помещаемый в нем материал может быть подразделен следующим образом:

а) Империализм и война. Здесь должны быть собраны материалы, рисующие Европу и Америку накануне войны. Необходимо на большой карте полушарий нанести важнейшие цифры, иллюстрирующие рост и тенденции финансового капитала в отдельных странах. Необходимо также дать карты Америки, Африки, Азии и Австралии с соответствующими пояснениями в отношении колоний и „сфер влияния", как источников сырья, рынков для сбыта фабрикатов и вообще об'ектов эксплоатации соответствующей капиталистической державой. На-ряду с этим нужны экспонаты, рисующие главнейшие антагонизмы, послужившие причиной войны, а именно противоречия между Англией и Германией (Африка), между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны и Россией, с другой (Балканы, Дарданеллы), между Германией

и Францией (Эльзас-Лотарингия, рурский уголь для французской промышленности, Марокко). В этом отделе на двух таблицах следует также изобразить причины возникновения двух основных крупно-капиталистических группировок Тройственного Союза и Тройственного Соглашения (Антанта). По одной таблице нужно отвести на причины, вовлекшие в войну Италию, Северо-Американ. С. Ш. и Румынию на сторону Антанты.

На всех перипетиях и этапах самой войны нет надобности подробно останавливаться: важно показать кризис войны, растущую разруху, голод и проч. явления, ее сопровождающие, и те жертвы, которые она потребовала от человечества. Для этого достаточно несколько плакатов.

б) Война и социал-шовинизм. Этот отдел, как сказано выше, должен выявить предательскую роль лидеров социал-демократов и развал 2-го Интернационала в момент об'явления войны. Нужно дать ряд материалов, иллюстрирующих противоречивость в словах и делах социал-соглашателей. Нужно подобрать и сопоставить несколько цитат из резолюции 2-го Интернационала, с одной стороны, с выдержками из речей социал-демократических лидеров—с другой, например, Базельская резолюция 1912 г. и заявления Бебеля о необходимости „защиты отечества". Особенно следует подчеркнуть значение голосования военных кредитов, как полного отказа представителей 2-го Интернационала от своих прежних обещаний на ряде конгрессов и как поддержки своей отечественной буржуазии.

в) Ленин и война. Для оборудования этого отдела, который мы мыслим себе, как центральный момент всего уголка, имеется необычайно богатый материал. Здесь необходимо, в первую очередь, дать биографию Владимира Ильича с момента об'явления войны и до Октябрьской революции. Отдел может быть оборудован по следующей канве: Ленин в Галиции (биография и важнейшие статьи). Циммервальд и Кинталь. Возвращение Владимира Ильича в Россию. Речь на вокзале. Апрельские тезисы, важнейшие речи и статьи. После захвата власти: Брест. Угроза новой империалистической войны: наказ делегатам в Гаагу. На-ряду с отдельными цитатами из сборника „Против течения", которые после соответствующей обработки следует дать в этом отделе, можно дать на специальном плакате выдвинутые „циммервальдской левой" требования:

„Голосование против военных кредитов, выход социалистических министров из буржуазных правительств, разоблачение капиталистического и антисоциалистического характера войны с парламентской трибуны, со страниц легальной и, где необходимо, нелегальной печати. Устройство уличных демонстраций против правительств, пропаганда международной солидарности в окопах, помощь экономическим стачкам и стремление превратить их,

при благоприятных обстоятельствах, в политические стачки, гражданская война, а не гражданский мир".

Апрельские тезисы—в части, касающейся империалистической войны,—должны быть особенно тщательно разработаны путем иллюстраций соответствующих цитат.

Весь XIV том собрания сочинений Ленина дает множество материала, который может быть использован при устройстве уголка этого отдела; особенно же пригодна для этой цели брошюра Владимира Ильича „Политические партии в России и задачи пролетариата", дающая в популярном изложении классические формулировки сущности и политики различных партий в России и могущая быть целиком перенесенной на соответствующие классовые группировки в других странах. Из этой брошюры прямое отношение к нашей теме имеют пункты 14, 15, 16, 17 и 24. Они носят вопросно-ответную форму, очень легко поддаются обработке и иллюстрации. В виду большого их значения, мы полностью приводим эти пункты:

14. За данную войну или против нее.

А. (правее к.-д.), Б. (к.-д.). Безусловно за, ибо она несет неслыханно большие прибыли капиталистам и обещает упрочить их господство, благодаря раз'единению рабочих и натравливанию их друг на друга. Рабочих будем надувать, называя войну оборонительной и направленной собственно к свержению Вильгельма.

В. (с-д. и с.-р.). Мы воюем против империалистической войны, но готовы дать себя обмануть и назвать „революционным оборончеством" поддержку империалистической войны, ведомой империалистическим правительством Гучкова-Милюкова и К-о.

Г. (большевики). Безусловно, против империалистической войны вообще; против всех буржуазных правительств, ведущих ее, против нашего Временного Правительства в том числе; безусловно, против „революционного оборончества" в России.

15. За грабительские международные договоры (об удушении Персии, дележа Китая, Турции, Австрии и проч.), заключенные царем с Англией, Францией и проч. или против.

А. (правее к.-д.). Б. (к.-д.). Всецело и безусловно за. При этом опубликовать договоры нельзя как потому, что англо-французский империалистический капитал и его правительства не позволят этого, так и потому, что русский капитал не может открыть всей публике своих грязных проделок.

В. (с.-д. и с.-р). Против, но мы еще надеемся, что контактной комиссией и рядом „кампаний" в массах можно „повлиять" на правительство капиталистов.

Г. (большевики). Против. Вся задача—раз'яснить массам полнейшую безнадежность ждать чего-либо в этом отношении от капиталистических правительств и необходимость перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам.

16. За аннексии или против.

А. (правее к.-д.). Б. (к.-д.). Если аннексии совершены германскими капиталистами и их разбойничьим вождем Вильгельмом, то мы против. Если английскими, то мы не против, ибо они—„наши" союзники. Если нашими капиталистами, насильно удерживающими в границах России народы, кои порабощал царь, то мы за, мы не называем это аннексиями.

В. (с.-д. и с.-р). Против аннексий, но мы еще надеемся, что можно и от правительства капиталистов добиться „обещания" отказаться от них.

Г. (большевики). Против аннексий. Все обещания капиталистических правительств отказаться от аннексий—сплошной обман. Чтобы разоблачить его, есть одно средство: требовать освобождения народов, угнетенных своими капиталистами.

17. За „заем свободы" или против.

А. (правее к.-д.). Б. (к.-д.). Безусловно за, ибо он облегчает ведение империалистической войны, т.-е. из-за того, какой группе капиталистов господствовать над миром.

В. (с.-д. и с.-р). За, ибо неправильная позиция „революционного оборончества" осуждает нас на это явное отступление от интернационализма.

Г. (большевики). Против, ибо война остается империалистической, ведут ее капиталисты в союзе с капиталистами в интересах капиталистов.

24. Необходимо ли поощрять братание на фронте между солдатами воюющих стран.

А. (правее к.-д.). Б. (к.-д.). Нет. Это вредно для интересов помещиков и капиталистов, ибо может ускорить освобождение человечества из-под их гнета.

В. (с.-д. и с.-р). Да. Это полезно. Но мы не всегда твердо убеждены в том, что за такое поощрение братания надо браться немедленно во всех воюющих странах.

Г. (большевики). Да. Это полезно и необходимо. Безусловно необходимо немедленно во всех воюющих странах поощрять попытки братания между солдатами обеих воюющих групп.

Следующий момент, который должен быть освещен в этом отделе—это Брестский мир. Его можно дать под заголовком: „Почему большевики заключили мир с германским кайзером". Основным материалом, которым здесь следует воспользоваться, является речь и заключительное слово тов. Ленина на IV Чрезвычайном С'езде Советов. Очень интересно проследить борьбу, происходившую внутри ЦК, по вопросу о заключении Брестского мира. Ее можно дать в форме большого плаката, изображающего, „как Ленин отвоевал передышку революции". На нем следует зобразить результаты следующих вопросов:

1) О немедленном предложении переговоров.
2) О немедленном предложении мира.
3) О новых германских предложениях.

С левой стороны плакаты, фотографии и фамилии членов ЦК, а по горизонтали, путем крестиков, кружков или черточек,—их отношения к данному вопросу, выявившиеся путем голосования.

Самым подробным образом следует отобразить в уголке возможность новых столкновений различных капиталистических стран и тех задач, которые, в связи с этой возможностью, встают перед революционными партиями и пролетариатом, как в настоящий момент, так и после об‘явления такой войны. Материал для этой части уголка должен быть подготовлен на основе цитированной уже „Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге“. Статья может быть проработана в плакатном порядке, при чем особо оттенить и подчеркнуть должно следующие места.

Плакат 1-й.

> *„Ответим на войну стачкой или революцией,— так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удостоверяет и успокаивает рабочих и крестьян“.*

Плакат 2-й.

> *„Только самые глупые и безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится; „ответить“ на войну стачкой—невозможно, точно так же, как невозможно ответить на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений“.*

Плакат 3-й.

> *„Раз‘яснение вопроса о „защите отечества“, раз‘яснение вопроса о „пораженчестве“ и раз‘яснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы войны всех участвующих в войне революционеров—все это должно быть выдвигаемо на первый план“.*

Все плакаты, естественно, должны быть соответствующим образом иллюстрированы, непонятные иностранные слова, термины поясняются на отдельном плакате, чтобы не разрывать единства текста. Иллюстрации должны быть убедительны и понятны, и тогда они в значительной степени помогут усвоению текста массой посетителей.

В заключение еще одно замечание. Ценность уголка в значительной степени будет зависеть от того, насколько велика будет самодеятельность самых клубистов в деле его подготовки и оборудования. Поэтому чрезвычайно важно связать эту работу с работой кружков клуба, использовав последние, как лаборатории по подготовке уголка. Кружковцы получат богатый опыт и ценные знания в процессе этой работы, а уголок, при такой постановке дела, будет иметь максимум шансов на полный успех.

С. Бергман.

(Памятка агитатора, № 5).

Во что обошлась 4-х-летняя империалистическая „драка" и к чему она привела?

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос в целом, равно как и на его отдельные части, понятно, невозможно. Поскольку все послевоенные политические и экономические события, вызваны, главным образом, войной, постольку, разумеется, нет возможности, да и преждевременно, „подсчитывать", во что обошелся трудящемуся человечеству конфликт, возникший между национальными и интернациональными трестами, синдикатами и картелями в 1914 году. Все те цифры, которыми оперируют экономисты и статистика, являются далеко не точными и дают лишь приблизительное представление о том, во что обошлась миру империалистическая война.

О чем же говорят эти приблизительные цифры?

До войны совместное достояние всех граждан и государств, участвовавших в войне, исчислялось в 1.440 миллиардов золот. рублей. Ценность продуктов, которые добывались участниками войны, ежегодно исчислялась в 200 миллиардов рублей. *И вот началась империалистическая война, продолжавшаяся четыре с лишним года и стоившая 720 миллиардов зол. рублей, т.-е. половину всего национального состояния участников войны.* Национальный ежегодный доход этих стран во время войны уменьшился по крайней мере на одну треть и вместо 200 миллиардов равнялся приблизительно 140 миллиардам. На непосредственные нужды войны из этого ежегодного национального

дохода уходила одна половина, т.-е. 70 миллиардов; следовательно, за все 4 года ушло 280. Но ведь война, как мы сказали, по подсчету виднейших мировых экономистов, обошлась в 720 миллиардов, и недостающие 440 миллиардов пришлось взять из основного состояния воевавших стран. Таким образом, в момент окончания войны национальное состояние ее участников было уже не 1.440 миллиардов зол. руб., а 1.000 миллиардов зол. р.

Еще более ярко вырисовываются последствия войны, когда мы переходим к рассмотрению экономического состояния каждого участника ее в отдельности. Для примера возьмем побежденную Германию и победившую Францию.

Накануне войны национальные богатства Германии оценивались в 225 миллиардов зол. марок, а наивысший годовой доход был 40 миллиардов марок. В середине 1921 года национальное состояние Германии исчислялось всего-на-всего в 100 миллиардов зол. марок, а доход в 16 миллиардов. События, последовавшие в последние годы (оккупация Рура и др.), естественно, не способствовали увеличению состояния Германии, а, наоборот, значительно его уменьшили. В то же время (1921 г.) государственный долг Германии вырос до 250 миллиардов зол. марок, до суммы в $2^1/_2$ раза большей, чем национальное богатство Германии. При этом необходимо отметить, и это особенно важно, что в этот долг не включена наложенная на Германию союзниками контрибуция в 132 миллиарда марок. „Если бы англичане и французы решили эту сумму получить немедленно и полностью, то они должны были бы, по меткому выражению тов. Троцкого, вложить себе в карман всю Германию, начиная с шахт Стиннеса и кончая запонками президента Эберта“.

А теперь посмотрим на Францию. В начале войны задолженность французского государства составляла приблизительно 30 миллиардов франков. За пять лет войны она увеличилась на 171 миллиард зол. франков, а после Версальского договора, который, якобы, должен был спасти Францию, залечить все ее раны—долг французского государства не только не уменьшился, но значительно возрос. По исчислениям французского экономиста Ш. Жида, он увеличился еще на 213 миллиардов. Таким образом, мы видим, как в течение 8-9 лет французский государственный долг с 30 миллиардов франков перевалил за 400, а к 1930 году, по приблизительным вычислениям, он достигнет суммы в 500 миллиардов франков. Национальный доход Франции, вследствие больших разрушений, произведенных войной, падения производительности труда, обнищания масс, само собой разумеется, тоже значительно сократился. Самым верным показателем этого сокращения является падение ценности франка.

В других европейских странах, даже в Англии, положение тоже далеко не важное. И там задолженность увеличилась во много раз, и там национальный доход значительно уменьшился.

Характеристикой экономического ослабления Англии, всесильной и всемогущей владычицы морей, может служить ценность ее фунта стерл., начавшего постепенно склоняться перед американским долларом. Возьмем для примера последний, 1923-й год. В начале марта 1923 г. фунт ст. стоил в Нью-Йорке 4,7 доллара, в сентябре—4,54, а в январе 1924 г.—4,28.

Но больнее и острее всех чувствуют последствия войны трудящиеся массы, рабочие и крестьяне всех воевавших и помогавших им стран.

Чтобы представить, насколько ухудшилось их положение в результате войны и какая тяжесть легла на плечи каждого из них, мы приведем таблицу задолженности на душу населения до войны и после (в единицах соотв. валюты).

Сумма задолженности на душу населения до и после войны.

(Конец 1919 г. в един. соотв. валюты).

	до	после		до	после
С.-Штаты	11,0	226,3	Бельгия	623,3	2565,0
Великобритания	15,6	174,1	Голландия	198,3	407,8
Франция	849,5	5773,4	Швейцария	454,2	939,6
Италия	440,7	2137,2	Япония	51,0	61,8

Конечно, капиталисты, затеявшие войну и в большинстве случаев на ней колоссально нажившиеся, и не подумали взять на себя послевоенные долги, а, наоборот, большую часть из них они возлагают на плечи трудящихся, т.-е. рабочих и крестьян, и без того разоренных войной и послевоенной безработицей.

Но нам могут сказать: правда, война обошлась слишком дорого, она чересчур больно задела хозяйственные основы государств, но зато она дала миру „Мир", избавила его от угрозы вечных войн и освободила народы от содержания многомиллионных армий, поглощавших колоссальные средства, и ради этого одного стоило пойти на эти жертвы. Вот таблица, которая убедит всех в том, что и в этом отношении ничто не изменилось к лучшему, а, наоборот, в сильной степени ухудшилось:

Стояло под ружьем человек:

Страны победительницы:	К 1 янв. 1914 г.	К 15 янв. 1921 г.
Британская империя	249.000	470.000
Франция	883.560	1.074.500
Италия	250.000	300.000
С. Штаты Америки	200.000	362.000
Бельгия	61.000	130.000
Юго-Славия	51.000 (Сербия)	200.000
Япония	250.000	320.000

Страны нейтральные:		
Швеция	80.000	865.000
Дания	13.000	110.000
Швейцария	25.000	140.000
Китай	770.000	1.000.000
Страны побежденные:		
Германия	760.100	200.000
Австро-Венгрия	477.800	130.000
Турция	300.000	200.000
Болгария	85.000	20.000

Видимо, благополучие и безопасность, наступившие после войны, весьма сомнительны, если их приходится охранять таким лесом штыков. Но одних штыков оказалось мало, и на-ряду с сухопутными армиями, военный, воздушный и подводный флот также не только не сокращался, а, наоборот, беспрерывно увеличивался. В подтверждение приводим следующие таблицы:

Тоннаж морских судов из железа и стали.

В тысячах тонн брутто.

Главные морские страны в 1914 и 1921 г.г.	Июнь 1914 г.	Июнь 1921 г.	Разница.
Великобритания	18.877	19.288	+ 411
Британские колонии	1.407	1.950	+ 543
С. Штаты	1.837	12.314	+ 10.477
Германия	5.098	654	— 4.444
Франция	1.918	3.046	+ 1.128
Италия	1.428	2.378	+ 950
Япония	1.642	3.063	+ 1.421
Нидерланды	1.471	2.207	+ 736
Норвегия	1.923	5.385	+ 362
Во всем мире	43.921	54.317	+ 11.703

Авиофлот в 1923 г.

	Численность.	Состав самолетов (боевых).
Франция	33.500	1.500
Англия	31.000	600
С.-А. С. Ш.	15.500	600
Италия	6.500	250
Румыния	—	144
Япония	3.100	250

Эти таблицы красноречивее всяких слов говорят нам, во что обошлась империалистическая война. И вспоминается сказанное тов. Троцким на 3-м Конгрессе Коминтерна:

„Ослабление основ европейского хозяйства скажется завтра еще сильнее, чем сказалось вчера и сегодня. Большой червь истории подкапывается под самый фундамент европейской экономии“.

(Из статьи М. Семенова-Погорельского, Памятка агитатора, № 5, 1924 г.).

Агитсуд.

(Краткие методические указания).

Агитсуд прочно завоевал себе место в наших клубах.

К данной кампании нужно непременно разработать хотя бы небольшой агитсуд на тему, например—„Агитсуд над империалистами“, агитсуд „над социал-предателями“, „суд над Карлом Либкнехтом“, „суд над русским рабочим и крестьянином, заключившим Брестский мир“ и более простые суды, например,—„суд над Джимми Хиггинсом“ (по роману—У. Синклера), „суд над генералом“ (по роману Келлермана „9-е ноября“), „суд над красноармейцем, обвиняющимся в участии в гражданской войне“, и т. д.

Агитсуд готовится совместно с политическим и художественным кружками и должен быть неутомительным, продолжающимся не более одного часа, одного часа и тридцати минут.

Особое внимание уделяется живости и характерности типов, выводимых в нем, на удачные и меткие реплики и показания. Совершенно не нужно обращать суд в громкое чтение политграмоты.

Удачно схваченный, переданный в 2-3 показаниях тип-облик лучше всяких длинных речей оправдает цель, поставленную темой.

От времени до времени сцена суда оживляется одним-двумя полукомическими выступлениями, но с условием, что это необходимо в данном случае, и что это не перейдет в фарс.

Вообще на агитсуде зрители должны чувствовать себя действительными участниками суда, а не балагана, а для этого участники должны хорошо подготовляться и сыграться. Ход действия, речи должны быть правдоподобны и драматичны, без лишней напыщенности и длиннот. Уважение к суду поддерживается обязательным вставанием зрителей при входе суда и во время прочтения приговора.

Председателем суда выбирается находчивый и умелый товарищ, так как на суде в высокой степени желательны импровизации (это очень оживляет суд), и председатель должен во время ввести участников в надлежащее русло действия.

Полит-игры.

(Краткие методические указания).

Полит-игры—совершенно новая форма массовой работы в наших клубах, дающая разумное, подчас веселое развлечение и серьезные сведения по какому-нибудь политическому вопросу, обнаруживающая уровень познаний клубистов в каком-либо вопросе. В полит-играх возбуждается здоровое, живое соревнование, жажда блеснуть своими познаниями, или, наоборот, желание их пополнить, если играющий видит, что он отстал от товарищей.

Быстрая сметка, умение проворно найти ответ на вопрос, ясно его формулировать и понятно высказать перед товарищами—вот что развивают полит-игры. В разрабатываемой нами кампании они, как никогда, могут пригодиться, являясь сильным орудием распространения нужных политических познаний и пропаганды за чтение книг на данную тему.

В наших клубах лучше всего рекомендовать простейшие виды полит-игр: полит-фанты, полит-аукцион, полит-лотерею.

Полит-фанты требуют только мешка, в который кладутся какие-либо мелкие предметы, принадлежащие играющим. Организатор игры вынимает их один за другим и предлагает владельцу предмета, например, рассказать что-либо о войне, другому—прочесть стихотворение, третьему—рассказать о том, как он был на фронте. Можно просто просить отвечать на ряд простых теоретических вопросов. Когда открывается фант, владелец его исполняет задание.

Для *полит-аукциона* нужен только стол и молоток.

Организатор становится за стол, стучит молотком и говорит, например: „великая мировая бойня началась 2-го августа“. Кто больше?

Выступает один из участвующих, говоря, что причины войны были такие-то и такие-то и т. д. Так аукцион идет вплоть до того момента, когда все сведения у играющих будут исчерпаны.

Последний, давший сведения, которых никто не знал, получает какой-либо приз.

Полит-лотерея требует вертящегося барабана, в котором перетряхиваются и из которого вынимаются билетики с вопросами. Играющие вынимают по три билетика. Ответившие на

наибольшее количество вопросов получают призы. Билетики с вопросами, оставшимися без ответов, откладываются и учитываются. Полит-лотерея—одна из лучших форм учета познаний кружковцев.

Укажем также на более сложные виды полит-игр:—полит-лото, полит-рулетка (по принципу обычного лото и рулетки), полит-тир, где участник стреляет из небольшого самострела в вертящееся колесо с номерами. Подготовлять вопросы для полит-игр следует заблаговременно, тщательно приспособив их к среднему уровню познаний клубиста и его типу. Во время антрактов на вечерах полит-игры принесут большую пользу.

Живая газета.

(Краткие методические указания).

Живая газета—наиболее благодарная форма массовой работы по освещению какого-либо события, значения празднества и т. д. Это является естественным следствием соединения в живой газете всех, в сущности, форм массовой работы, так как и пьеса, и доклад, и кино, и живые картины могут равноправно войти в нее. Живая газета дает прежде всего статейный материал, но очень короткий и сжатый (не более 5-6 минут), хотя передовица (доклад) может быть и побольше.

Эти статейки немедленно иллюстрируются, конкретизируются рядом инсценировок, стихов, выступлений и т. д. После инсценировки идут световые картины или демонстрирование плакатов, потом опять статья и т. д. Самое главное: яркость, живость, темп издания газеты. В быстром, сменяющемся калейдоскопе перед зрителями проходят важнейшие моменты империалистической войны, каждый момент под своим лозунгом, немедленно оформляемым в каком-либо виде массовой работы. Издается газета редакцией, которая заседает на сцене (во время инсценировок стол уносится).

Различные сообщения принимаются редакцией по телеграфу, по телефону, через курьеров и немедленно сообщаются публике, причем, где нужно, показывается соответствующая диаграмма или карта. Только что прочитано известие (громко, внятно и возбужденно), как на сцену выходит артист и поет, читает или начинаются световые картины, инсценировка, показываются портреты и т. д.

Живая газета требует, чтобы материал был ярок и подносился в сочной, эффектной, бьющей в глаза форме. Можно включать в живую газету и целые пьесы (небольшие), они от этого только выигрывают.

И над всем этим разнообразием материалов господствует определенное мнение—программа, строго проводимая:—только тогда получится желаемый результат.

Известия могут подаваться из публики, гонцы, курьеры бегают из зала на сцену и обратно. Неожиданно появляется инвалид и произносит небольшую речь, потом уходит в публику.

* * *

Мы предлагаем здесь приблизительно и в общих чертах намеченную программу к живой газете к 10-летию войны и некоторое количество примерного материала, долженствующего показать, что и как можно использовать для живой газеты. Следует заметить, что именно при данной теме разнообразие форм „подачи материала" может быть особенно велико. Где не дан материал полностью, там сделано указание, что из настоящего сборника может быть взято для данного тезиса.

Примечание. В примерной программе даны телеграммы, отрывки и цифры, которыми пересыпана живая газета. Телеграммы прямо читаются членами редакции или их оглашает какое-либо, загримированное и одетое в соответствующий костюм, лицо.

Отрывки читаются уже артистами. Например, отрывок о бойне и полях сражения читает раненый солдат, отрывок о домах калек около Парижа—врач в белом халате.

Цифры лучше всего показывать на плакатах-транспарантах, которые выносятся специально костюмированными глашатаями. Например, цифры потери выносят врачи, сестры и инвалиды, цифры расходов на войну—буржуи и т. д. Они одновременно показывают плакат или диаграммы и читают цифры и известия перед зрительным залом.

Таких телеграмм и цифр можно взять гораздо больше из соответствующих источников, но загромождать ими ход основного действия тоже особенно не стоит.

Примерная программа живой газеты.

1. **Передовая статья** — „Великая мировая бойня" — общий очерк причин и последствий войны, учение Ленина о войне, возможности новой войны.

2. **Коллективная декламация** — „Ты идешь сражаться"—Марсель Мартинэ.

3. **Сараевское убийство** — телеграмма.

Сараево.

28 июня 1914 г. в Сараеве, столице Герцеговины, гимназист 8 класса Принцип —двумя выстрелами из браунинга убил австрийского наследника престола—эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену—герцогиню фон-Гогенбер. На допросе 19-летний юноша Принцип заявил, что он доволен совершенным актом, и что он убил эрцгерцога как воплощение австрийского империализма, как представителя великой австрийской идеи, как злейшего врага и притеснителя сербской нации.

4. **Инсценировка момента убийства** (живое кино).

5. **Как буржуазия использовала убийство эрцгерцога** (ультиматум Австрии и слова Рорбаха).

Об убийстве.

Рорбах (германский империалист) заявил: „Мы должны считать за счастье, что, благодаря убийству эрцгерцога Франца Фердинанда, великий противогерманский заговор нашел себе исход раньше предположенного срока. Два года спустя война была бы для нас гораздо тяжелее".

6. **Статья**—„Империализм — причина мировой бойни".

7. **Декламация** „Банкир", „Золото" Верхарна, отрывок „Вильсон" из 150.000.000 В. Маяковского.

8. Социалистический конгресс 15/VII—**инсценировка** по книге Павловича.

9. Убийство Жореса — **инсценировка** по книге Павловича (Вельтмана). „Франция накануне мировой войны".

10. Об'явление войны — манифестом Николая II (**инсценировка**) — читает его поп перед строем солдат. Тут же офицеры.

11. На западном фронте—**инсценировка** по Барбюсу.

Где Ленин?

Война застала тов. Ленина вместе с Зиновьевым в заброшенной деревушке Галиции. Австрийское правительство их арестовало, но через несколько недель, благодаря стараниям заграничных друзей, Ленину удалось перебраться в Швейцарию. С этого момента

Швейцария становится центром большевизма. Там Ленин издает „тезисы о войне“, где об'являет „войну войне“, т.-е. необходимость превращения войны империалистической—в войну гражданскую.

Причины войны

(показываются на плакате или экране).

Каковы истинные причины войны. Конкуренция европейских стран. Англия была заинтересована в том, чтобы ее соперница —Германия не победила ее в промышленности и на мировом рынке (см. цифры).

Добыто угля (в милл. тонн).

	1887 г.	1913 г.
Англия	160,0	287,1
Германия	73,7	234,5

Произведено чугуна (в тысячах тонн).

	1886 г.	1913 г.
Англия	7,681	10,424
Германия	4,024	19,394

Произведено стали: (в тыс. тонн).

	1886 г.	1913 г.
Англия	2,403	7,786
Германия	945	18,968

Вот как Германия конкурировала с Англией.

12. **Статья** „Измена социал-соглашателей. Крах II Интернационала“.

13. **Инсценировка — живое кино** „Голосование военных кредитов в Германии“ (все левые голосуют за кредит). Чтение из манифеста русских „оборонцев“.

14. „Вихрь“ **инсценировка** из Шишкова.

15. Демьян Бедный — „За землю за волю“ — **отрывки (декламация).**

16. Маяковский—отрывки из „Войны и Мира“ **(декламация).**

17. **Статья** „Война, тыл, жертвы“.

18. **Телеграмма:**

Рост военных расходов.

Война — азарт: чем дальше она идет, тем больше ставки.

В 1914 г. Россия тратила 12 миллионов рубл. в 1 день, в 1915—19 милл. р., в 1916 — 35 милл. р., в конце 1916 — 50 милл. р. и в 1917 — 60 милл. рубл. в 1 день.

Расходы на войну.

Расходы на войну по сравнению с народным доходом воевавших государств (в миллионах рубл.):

	Расходы на войну.	Годовой доход до войны.
Германия	40.738	19.671
Англия	34.985	21.252
Франция	26.234	11.668
Россия	22.300	17.170
Австро-Венгрия	17.516	7.400
Италия	9.185	7.718

19. Всемирный разбой — стихотв. Д. Бедного (**Декламация**).
20. **Живые картины**—„Империализм“, „Политика“.
21. **Телеграммы:**

Как наживалась буржуазия.

Вашингтон, 1917 г. 25 мая. За первые 23 дня мая месяца одна из американских судостроительных верфей окончила и спустила на воду 29 судов, общим водоизмещением в 142.622 тонн.

Вашингтон, 29 мая. В продолжение недели, закончившейся 25 мая, судостроительные верфи закончили и сдали 10 стальных кораблей. За ту же неделю было спущено 15 стальных и 3 деревянных корпуса. Всего за май месяц будет закончено 30 стальных и 25 деревянных судов. Председатель военно-морского совета Гойрли заявил, что всего в этом году будет построено 1.600 больших судов.

Нью-Иорк, 1 мая. Главный директор железных дорог Лен-Аду заключил кон-

тракт на постройку 70 тысяч товарных вагонов. Стоимость этих вагонов с 3.000 заказанными ранее достигает 30.000.000 долларов (доллар—2 рубля).

Нью-Иорк, 1 мая. Закончены контракты на постройку 1.025 грузовых и пассажирских паровозов. Сумма всего заказа равняется 60.000.000 долларов.

22. **Телеграммы.**

Потери.

С начала войны по 1 марта 1917 года убито было 4.341.200 челов., ранено—2.448.500, пропало без вести и взято в плен—2.314.500 челов.

Всего выбыло из строя 9.104.200 челов.

До 1-го января 1918 г. все участники войны потеряли убитыми и ранеными около 25.000.000 челов.

Число убитых за первые 3½ года войны вдвое превышает число умерших за все войны за 125 лет.

23. **Телеграмма.**

Потери России.

Россия потеряла убитыми 1.000.000 человек.

Ранеными и калеками—4.000.000 челов.

Пленными—2.700.000 челов.

Всего пострадало до 25.000.000 челов.

24. **Отрывок** (читает раненый солдат):

— Убитых и раненых так много, что их не успевают подбирать. „Все поле после атаки сплошь усеяно трупами. Наконец, их начинают валить в кучу. Куча растет. Куча обезображенных тел,—и обломков, обрывков тел. Тут—руки, ноги, головы, кость с куском окровавленного, еще горячего мяса. В одну кучу валят убитых и раненых, трупы, и, еще живых... Ночью, после битвы, наступает тишина, в небе мерцают звезды, тепло. Воздух насыщен трупным запахом. Бродишь по полю, спотыкаешься о трупы, и когда проходишь мимо кучи выбывшего из строя пушечного мяса, явственно доносятся до твоего слуха стоны, вздохи, бред. Иногда можно разобрать даже

отдельные слова. Кто-то плачет жалобно, как ребенок: „Ма-а-ма“... Это раненый, очутившийся внутри или в самом низу мертвой кучи... Мы прятались за эти кучи, устраивали из них баррикады“.

25. **Телеграмма** (читает врач).

Смертность.

Война увеличила смертность во всех странах: цинга, тиф, холера, туберкулез, сифилис свирепствуют во всю.

В Италии испанка в 2 месяца унесла в могилу 165.000 челов.

26. **Статья**—(читает изможденная женщина).

Голод.

В некоторых странах форменный голод. Германия и некоторые области Италии голодают в буквальном смысле слова. На почве голода развиваются разные болезни и неимоверно быстро растет смертность. Часты случаи смерти от истощения. Люди падают на улицах. Люди питаются опилками, картофельной шелухой, разной дрянью. Развиваются невиданные болезни.

27. **Телеграмма** (читает рабочий).

Буржуазия веселится.

«Вчера, 16 марта 1917 года, угольный король Бойрис давал обед ответственным служащим своих предприятий. Обед был сервирован в роскошном зале Бойриса на 5 Авеню и состоял из 13 блюд. Подавались старинные, привезенные из Европы, вина. Обед обошелся в 23 милл. рубл.

Копенгаген, 15 июня. Здесь живет теперь много разных крупных империалистов, фабрикантов, банкиров, биржевых дельцов, с'ехавшихся со всех воюющих стран. В городе царит необыкновенное оживление. Театры делают необычайные сборы. Рестораны и кафе переполнены. Повсюду идут кутежи, повсюду пьяный разгул. Шампанское льется рекой.

28. **Отрывок** (читает инвалид на костылях).

Калеки.

В окрестностях Парижа устроена специальная „колония“ для обезображенных калек... Тут живут чудовища, некогда бывшие людьми. Безрукие и безногие, слепые, сумасшедшие, обрубки человеческих тел, в которых осталась еще искра жизни; существа без членораздельной речи, без мыслительного аппарата, без органов чувств; люди, которых война превратила в пресмыкающихся, в червей, в лягушек... Здесь они собраны все. Здесь— чудовищное разнообразие. Уроды-великаны и уроды-карлики; искромсанные шеи—так что голова слилась с туловищем в одну сплошную массу; продолговатые обрубки, овальные, круглые.Все это живет, дышит и питается. Но они все молчат—или рычат, как звери. У многих выворочены внутренности, у других голова приняла смешную, причудливую форму, у третьих—все черты лица слились в одну сплошную бесформенную серо-красную массу. Какое множество и какое разнообразие безумных диких масок!

29. **Живые картины.**

30. **Декламация:** Й. Брюсов.—„Последняя война“.

31. **Статья:** Ленин и война.

32. **Статья:** Переход империалистической войны в гражданскую. Октябрь—Брест.

33. **Чтение апрельских тезисов Ленина** (в части, касающейся войны) и отрывков из „Декрета о мире“.

34. **Инсценировка** отрывка из романа Клара Фибих—„Красное море“.

35. **Инсценировка** из А. Н. Толстого—„На фронте“.

36. **Декламация.**

37. **Маленькие инсценировки** из книги Дж. Рида: „10 дней, которые потрясли мир“.

38. **Статья:** Гражданская война.

39. **Инсценировка** „Джимми Хигинс“.

40. **Инсценировка** „Человек чужой земли“.

41. **Декламация:** „Коммунист“.

42. **Декламация:** „Разведчики“.

43. **Хор—песни** Красной армии.

Живые картины.

Для живых картин лучше всего использовать рисунки упомянутых выше художников—Гросса, Дени и Мазреля. Многие из них по своей силе и яркости так и просятся на сценическое оформление.

Примерные темы.

Война. С одной стороны, немецкий кайзер, с другой—французский генерал, сопутствуемые своей буржуазией, толкают друг на друга двух ошалевших парней в солдатской форме.

Калека. Инвалид с орденами стоит на костылях, просит милостыню. Мимо проходят расфранченные буржуа.

Империализм. Бронированное, вооруженное до зубов чудовище, сидящее на плечах рабочих и крестьян, сгибающихся под его тяжестью.

Попы. Впереди двух враждебных шеренг, попы с крестами натравливают солдат одной стороны—на другую.

Политика. Буржуй дергает за ниточку двух враждебных солдат, которые, как марионетки, колотят друг друга.

Тыл. На фронте бойня—в тылу рестораны и кутежи.

Церковь. Поп, освящающий святой водой пушку.

Империалистическая печать. Сидит гнусный буржуазный писака и пишет воззвания, макая перо в чернильницы огромного размера, с надписями: „ложь“, „клевета“, „злоба“, „провокация“ и т. д.

„Война — войне!“ Красноармеец ударами сбивает и валит чудовище—империалистическую войну.

Интернационал и мировая война.

I.

Из манифеста Чрезвычайного Интернационального Социалистического Конгресса в Базеле.

24 и 25/XI 1912.

В своих Конгрессах в Штутгарте и Копенгагене Интернационал уже формулировил правила деятельности пролетариата всех стран для борьбы против войны.

Более чем когда-либо обстоятельства предписывают теперь интернациональному пролетариату придать своей согласованной деятельности всю возможную мощь и энергию.

С одной стороны, всеобщая безумная погоня за вооружениями, увеличивая дороговизну жизни, обострила классовую рознь и довела рабочих до невыносимого положения.

Рабочие решили положить конец этому режиму бессмысленной траты средств и паники.

С другой стороны, периодически возникающая опасность войны возмущает народ все более и более.

Великие европейские народы находятся постоянно перед возможностью быть брошенными друг на друга, при чем такое нарушение всяких принципов человеколюбия и разума не может быть оправдано даже в малейшей степени интересами самих народов.

Балканский кризис, который уже принес столько бедствий, может, в случае своего распространения, представить самую ужасную опасность для цивилизации и пролетариата.

Вместе с тем, такое явление оказалось бы позорным историческим событием, благодаря несоответствию между неизмеримостью катастрофы и ничтожностью вызвавших ее интересов.

Поэтому Конгресс с большим удовлетворением отмечает полное единодушие социалистических партий и об'единений во всех воюющих государствах в их отрицательном отношении

к войне. Пролетариат повсюду в одно время восстал против империализма — и каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление пролетариата и восстановила общественное мнение своего народа против всяких воинственных фантазий.

Таким путем осуществилось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже много сделало для сохранения мира. Страх правящих классов перед пролетарской революцией, которая явилась бы последствием всеобщей войны, служит весьма прочной гарантией мира.

Конгресс требует от социалистических партий энергичного продолжения их деятельности и применения всех тех мер, которые покажутся им необходимыми.

Интернационал удвоит свои усилия, чтобы предупредить войну своей усиленной пропагандой, своим непримиримым и постоянным протестом. С этой целью Конгресс поручает Интернациональному Социалистическому Бюро с тщательным вниманием следить за событиями и при всяких условиях поддерживать сообщения и связь между пролетарскими партиями всех стран.

Пролетариат сознает, что от него именно зависит в данный момент все будущее человечества, и он употребит всю свою энергию для того, чтобы помешать истреблению лучшего цвета всех народов, которым угрожают все ужасы бесчисленных кровопролитий, голода и болезней.

II.

Интернациональный митинг против войны в Брюсселе.

29/VII 1914.

Гаазе заявил:

Австрия одна виновна в войне!

Повидимому, Австрия рассчитывает на Германию, но германские социалисты заявляют, что тайные договоры не связывают пролетариата.

Немецкий пролетариат заявляет, что Германия не должна вмешаться даже в том случае, если вмешается Россия.

Немецкая буржуазия, напротив того, заявляет, что Германия должна вмешаться потому, что Австрия напала на Сербию.

Равным образом, с неменьшей логичностью и вместе с тем неменьшей нетерпимостью, французская буржуазия также полагает, что Франция должна вмешаться против Германии.

Французский пролетариат думает так же, как и мы. Пусть наши враги остерегутся. Может случиться, что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец пробудятся и установят социалистическое общество. Вчера в Берлине тысячи и тысячи пролетариев протестовали против войны с криками:

— „Да здравствует мир! Долой войну!“

III.

Заявление Гаазе на заседании германского рейхстага.

В первом заседании германского рейхстага от 4/VIII 1914 имперский канцлер обрисовал положение.

Единственным оратором от имени социал-демократической фракции выступил председатель партии Гуго Гаазе со следующей декларацией:

— Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны.

Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа.

Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества.

Поступим же так, как мы всегда заявляли, мы не оставим отечества без помощи в час опасности. Мы сознаем себя действующими солидарно с Интернационалом, всегда признававшим право каждого народа на национальную самостоятельность и самозащиту, и точно так же в согласии с ним мы осуждаем всякую завоевательную войну.

Мы требуем, чтобы войне был положен конец, как только будет достигнута цель защиты, и противник будет склонен к миру, и будущий мир должен обеспечить возможность дружеского сожительства всех народов. Мы требуем этого не только в интересах постоянно отстаивавшейся нами международной солидарности, но также и в интересах германского народа.

Мы надемся, что жестокая школа страданий войны пробудит в миллионах новых людей отвращение к войне и обратит их к идеалу социализма и всеобщего мира.

Руководясь этими положениями, мы будем голосовать за требуемые кредиты.

IV.

Отношение большевиков к империалистической войне.

(Из манифеста ЦК Р С-Д Р П).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий, неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда, в целях ослабления революционного движения пролетариата,—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и „патриотические“ фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма...

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру, против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы...

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии, как „своей“ страны, так и „чужих“ стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами патриотизма старается возвышать значение „своей“ национальной войны и уверить, что она стремится

уничтожить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради „освобождения“ всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран раз'единить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей, даже теперь, во время войны, „внутреннего“, чем внешнего врага), тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической“ буржуазной клики всех стран.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889 - 1914), социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом...

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры...

Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре, во время своего визита Николаю II, сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих...

Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии.

И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской соц.-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России...

Наша партия, Российская С.-Д. Р. Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной.

Вся наша легальная рабочая печать уничтожена.

Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская С.-Д. Рабочая Фракция в Государственной Думе,—

сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую...

Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. „мирной“) исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале.

Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию, и подменяли ее буржуазным реформизмом,—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов...

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма.

Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии...

В России задачами соц.-демократии, в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основных условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация земель и 8-ми часовой рабочий день.

Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного „патриотического“ варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма...

Превращение современной империалистической войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами.

Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной

форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии.

V.

Оборонцы.

(Манифест об'единенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров, выработанный на Женевском совещании в 1915 г.).

„Мы обращаемся к сознательным рабочим, крестьянам, ремесленникам, приказчикам, короче—ко всем тем, которые едят свой хлеб в поте лица своего, и, страдая от недостатка материальных средств и от политического бесправия, борются за лучшее будущее для себя, для своих детей и братьев. Мы шлем им свой горячий привет и настойчиво просим их:

Выслушайте нас в это роковое время, когда, овладев западными крепостями России, неприятель занял значительную часть ее территории и угрожает Киеву, Петрограду и Москве, т.-е. важнейшим центрам ее общественной жизни.

И прежде случалось нашей родине переживать кровавые ужасы неприятельского нашествия. Но никогда еще не приходилось ей отбиваться от врага так хорошо вооруженного, так умело организованного и так заботливо обдумавшего свое хищническое предприятие, как теперь...

Вы очень ошибаетесь, если вообразите, что рабочему народу нет надобности защищать нашу страну. На самом деле ничьи интересы не страдают так жестоко от нашествия неприятеля, как интересы трудящегося населения...

Война вообще вызывает теперь невероятно большие расходы. России, как стране экономически отсталой, гораздо труднее выносить эти расходы, нежели богатым государствам Западной Европы...

Если окончательная победа достанется немцам, то они потребуют от нас огромного военного вознаграждения... И этим не ограничатся наши победители... Наиболее последовательные и откровенные глашатаи политики германского империализма уже теперь говорят, что нужно потребовать от России уступки значительной территории...

Легко представить себе, какой договор навяжет нам теперь победоносный германский империализм. В экономическом отношении Россия станет германской колонией...

Победив Россию, Германия, конечно, расторгнет ее союз с Англией, Францией и другими странами европейского запада. Тогда возобновится печальной памяти союз трех императоров. Само собою разумеется, что крайне жалкую роль будет играть в этом союзе представитель побежденной России...

Беда,—великая, неизбежная беда, будет в том, что под предлогом союза с Россией, Берлин возьмет на себя заботу о поддержании „порядка" в Петрограде. И тогда вам надолго придется сказать „прощай" своим освободительным планам.

А к чему поведет победа Германии на Западе Европы... Англия, Франция и даже Бельгия с Италией далеко опередили в политическом отношении германскую империю, до сих пор еще не доросшую до парламентского режима.

Победа Германии над этими странами была бы победой монархического принципа над демократическим, победа старого над новым. И если вам дорог демократический идеал, если вы стремитесь у себя дома устранить самодержавие царя и заменить его самодержавием народа, то вы должны желать успеха нашим западным союзникам, вы не можете не желать его...

Первой задачей революционного правительства в России явилась бы борьба на жизнь и смерть с германским империализмом. Это было бы обязательно для него как в интересах союзных с нами демократических стран, так и для окончательного торжества революции над темными силами международной реакции.

Равнодушное отношение к исходу нынешней войны было бы для нас равносильно политическому самоубийству, т.-е. отказу от роли вождей трудового народа в его движении к лучшему будущему... Не смущайтесь доводами людей, утверждающих, что тот, кто защищает свою страну, отказывается от участия в борьбе классов.

Эти несчастные сами не знают, что говорят. Во-первых, для успешного хода классовой борьбы, необходимы известные политические условия, которых у нас не будет, если восторжествует Германия.

Во-вторых, если трудящееся население России не может защищать себя, когда его эксплоатируют российские помещики и капиталисты, то непонятно, отчего ему следует оставаться бездеятельным, когда на его шею хотят накинуть аркан эксплоатации германские помещики („юнкера") и германские капиталисты, к величайшему сожалению, поддерживаемые теперь значительной частью германского пролетариата, изменившего своему долгу солидарности и пролетариям других стран...

Те же неразумные люди скажут вам еще, что, защищаясь от немецкого нашествия, вы поддерживаете наш старый политиче-

ский порядок. Они желают поражения России из ненависти к царскому правительству... Но Россия принадлежит не царю, а трудовому народу. Защищая ее, он защищает самого себя, защищает дело своего освобождения...

Всякое революционное „вспышко-пускательство“ в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению, равнялось бы измене, так как было-бы услугой внешнему врагу и сильно облегчало бы положение врага внутреннего, плодя недоразумение и рознь между вооруженной силой России, с одной стороны, и передовой частью ее населения—с другой. Даже к стачкам можно прибегнуть теперь во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия...

Гром войны, конечно, не сделает российских предпринимателей более бескорыстными, чем они были в мирное время... Вы будете вполне правы, возмущаясь таким их поведением. Но во всех тех случаях, когда вам захотелось бы ответить на него стачкой, вам надо подумать, не повредит ли она делу обороны России...

Положение таково, что к свободе нам нельзя прийти иначе, как идя путем национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага „внутреннего“. Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности...

Мы, подписавшиеся под этим воззванием, принадлежим к различным направлениям российской социалистической мысли. Между нами есть социалисты-революционеры и есть социал-демократы. Мы расходимся во многом. Но мы решительно сходимся в том, что поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу. И мы думаем, что, руководясь этими убеждениями, наши действующие на местах единомышленники должны были-бы сблизиться между собою для дружного служения народу в час переживаемой им смертельной опасности.

Члены Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров Г. Плеханов, А. Бах, Л. Дейч, Э. Зиновьева-Дейч, И. Аксельрод, И. Бунаков, Н. Авксентьев, А. Любимов (Марк З-р), В. Воронов, А. Аргунов. Члены II Государственной Думы Г. Белоусов и Г. Алексинский.

10 сентября 1915 г.

VI.

Вторая Социалистическая Международная Циммервальдская Конференция (в Кинтале).

К разоряемым и умерщвляемым народам.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Два года мировой войны! Два года опустошения! Два года кровавых жертв и бешенства реакции!

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно хотел войны и подготовлял ее?

Это — господствующие классы!

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 г., не взирая на кровавую свалку протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей об'единились в *Циммервальде,* мы сказали в нашем манифесте:

„Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов“...

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, *война попала в тупик.*

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов. Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных, или, вернее, *все побежденные,* т.-е. все изошли кровью, все разорены, все истощены — таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали *немедленного мира без аннексий.*

Об'единимся поэтому под боевым лозунгом:

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни — это *обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира,* чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать! *Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самою, и во всех странах* надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. *Никогда война не убивала войну.* Наоборот. Она пробуждает желание возмездия, насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы ваши мучители будут требовать от вас новых жертв...

Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена собственности рабочим классом.

„Прочный мир“ будет плодом победы социализма...

. . . .

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во время мира капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, *во время войны* она отнимает у него все,—даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

. . . .

Требуйте немедленного прекращения войны! Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы!

Смелей! Помните, что вы большинство, и, если захотите, можете стать силой...

Да здравствует мир, немедленный мир, без аннексий! Да здравствует международный социализм!

1 мая, 1916 г.

Вторая Социалистическая Международная Циммервальдская Конференция.

VII.

Ленин о войне.

Война не случайность, не „грех“, как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по „народному“ течению шовинизма, а то, что в военное время, и на войне и по военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповско-сантиментальные и глупенькие воздыхания о „мире во что бы то ни стало!“ Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны—сказка о „последней войне“ есть пустая, вредная сказка, мещанская „мифология“. Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и „своей“ страны и „чужих“ стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков“, но и от оппортунизма III Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую „мирную“ эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для ре-

волюционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран, за политическую власть, за победу социализма!

1 ноября, 1914. (Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова)—„Положение и задачи социалистического Интернационала".

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты (в этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам „мирной эволюции"). II Интернационал, успевший за 25-45 лет (смотря по тому, считать ли с 1870 или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный... оппортунизмом.

12 декабря, 1914. Из ст. Н. Ленина (В. И. Ульянова)—„Мертвый шовинизм и живой социализм (как восстановлять Интернационал?)".

Что „народ", т.-е. масса мелких буржуа и часть одураченных рабочих, верит в буржуазную сказку о „злокозненности" неприятеля, это несомненно. Но задача с.-д. бороться с обманом, а не поддерживать его. Все с.-д. во всех странах задолго до войны говорили и в Базеле подтвердили, что каждая из великих держав на деле стремится к укреплению и расширению господства над колониями, к угнетению маленьких наций и т. д. Война идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; воры дерутся—и ссылаться на то, что в данную минуту терпит поражение такой-то вор, для изображения интереса воров интересом народа или отечества, есть бессовестная буржуазная ложь. „Народу", страдающему от войны, мы должны говорить правду, которая состоит в том, что защита от бедствий войны невозможна без свержения правительств и буржуазии каждой воюющей страны. Защитить Бельгию посредством удушения Галиции или Венгрии не есть „защита отечества".

1 мая, 1915 г. (Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова)—„Софизмы социал-шовинизма".

Припомним основные понятия социалистического учения, извращаемые каутскианцами. Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие.

Война 1870-71 г.г. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и об‘единения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержкой демократической буржуазии: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски „повторить“ этот пример в обстановке империалистической войны 1914-16 г.г. Эта война продолжает политику перезревшей реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывающей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, *не может*, в силу об‘ективного положения не может вести ни к какому демократическому „прогрессу“, а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности,—и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, об‘единение Германии. *Эта* война ускоряет развитие *только* к социалистической революции. *Тогда* программа демократического (буржуазного) мира имела под собой *об‘ективную* историческую основу. Теперь этой основы нет, и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, об‘ективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от революционной борьбы за социализм! *Тогда* программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличности глубокое, десятилетиями проявившее себя демократически-буржуазное движение масс (к свержению Наполеона III, к об‘единению Германии). *Теперь* программой демократического мира, на почве буржуазных отношений, социалисты поддерживают *обман* народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от *социалистической* революции.

Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова)— „О программе мира“.

25 марта, 1916 г.

Оба столкновения подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими „священное" буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции, у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной, конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова) — „О сепаратном мире".

6 ноября, 1916 г.

Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз! — из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны „честным трудом" отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года: превращение империалистической войны в гражданскую войну за социализм! Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны! Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из о д н о г о центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, это, наверное, не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной.

Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова) — „Поворот в мировой политике".

31 января, 1917 г.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма *помимо* социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на *насилие*. Насилие в эпоху XX-го века,—как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а *войско*. Поставить в программу „разоружение" значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Из статьи Н. Ленина (В. И. Ульянова)—„О лозунге разоружения".

Октябрь 1916 г.

Во всяком классовом обществе,—будь оно основано на рабстве, крепостничестве, или, как теперь, на наемном труде — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция—даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии—есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление общее всем без исключения капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

Оттуда же.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь к этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему об'ективному значению, „требование" разоружения—вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистической буржуазии.

Оттуда же.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: „Если-бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!“ Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций—вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами,—вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз „ужасных наций“ революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

„Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма,—а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее“.

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной с. д., о социалистической революции, о войне против войны.

Оттуда-же.

VIII.

Карл Либкнехт. „Тюремные записки“.

Империализм и война или социализм и мир.

(Апрель 1918).

В чем заключаются те противотечения, которые до сих пор приводили к войне, и которые будут к ней приводить, пока они существуют? Капиталистическая мировая конкуренция между различными политически об'единенными группами, интересов между отдельными империалистическими системами из-за богатств земли (сырье, рабочая сила, рынки сбыта для расширения хозяйства).

Так уничтожим же эту конкуренцию, сделав богатства земли общим достоянием всего человечества! Заменим капиталистическое общество, раздирающее человечество на классы и на уничтожающие друг друга орды разбойников, обществом социалистическим, примиряющим и об'единяющим человечество!

Создать этот Интернационал будущего, этот Интернационал победы, вот задача Интернационала, настоящего Интернационала борьбы. Средство к этому—социальная революция, которая одна лишь может не только подготовить сейчас мир, но и уничтожить будущие причины войны.

Кто желает цели, должен желать средства.

Империализм и война или социализм и мир—третьего не существует.

ВОЗЗВАНИЕ.

(Апрель 1918 г.).

Восстаньте спящие! Близорукий народ! Если ты сегодня не покончишь с империализмом, прежде чем власть имущие достигнут своей цели, то настоящая война явится лишь увертюрой к целой эпохе ужасных мировых войн.

И ты надеешься избегнуть тех жертв, которые потребует от тебя сейчас социальная революция...

Ведь, эта революция должна наступить, чтобы не погибло человечество. И ты должен будешь принести ради нее жертвы,—те жертвы, из которых вырастет счастье человечества. Трудности и жертвы не станут ни меньше, ни больше, если ты их будешь откладывать, если ты их ныне же, во время войны не решишься взять на себя. Это только увеличит твои бедствия, и никакие колебания их не отстранят!

О РОССИИ.

(Начало мая 1918 года).

Одно необходимо сейчас нашим друзьям в России, одно необходимо Советской власти в ее настоящем положении—более, чем что-либо иное: как можно скорее создать надежные боевые силы, достаточные для отпора прежде всего германскому империализму, для освобождения из его тисков, а также для создания Украине, Финляндии и прочим окраинам крепкой опоры и, таким образом, для подготовки новой кристаллизации России на федеративной основе; для обеспечения длительности социалистического строя и возможности проведения стоящих перед ним социальных задач, дабы он мог служить образцом и сыграть роль также для пролетариата других стран и тем подготовить путь сознательной мировой революции—тот путь, на котором первым и самым тяжелым препятствием является германский империализм.

Одно необходимо русским советам прежде всего остального: не демонстрации и декорации, но реальная, физическая, надежная сила. Для создания этого, помимо энергии, требуется, правда, также и ум и время: ум—чтобы выиграть время, в котором нуждается для успеха даже величайшая и наиболее предусмотрительная человеческая энергия.

(К. Либкнехт).

IX.

Черный всадник и Красный всадник.

Четыре года гуляет по опустевшим полям Европы черный призрак, упирающийся в небо головой. На костлявом коне сидит исполинский скелет в ржавой каске, в истлевшем синем мундире, под которым шевелится связка червей и сосет то, что было его сердцем. Он едет в дыму пожаров, рисуется как тень на стене дыма и пламени. Он слушает, как ревут зевы чудовищных орудий. Он скалит зубы, смотря, как земля лавинами взлетает на воздух под копытами чудовищного коня, как падает из жерла фугасных взрывов дождь рук, ног и голов, искаженных гримасой ужаса. Он смеется свисту пуль, которые, как тучи смертельно жалящих ос, рвутся из черных дул пулеметов. Он едет по трупам погибших людей, которые дома держали в руках молот и шли за плугом, взрезавшим землю, у которых на груди лежат письма от жен и детей. В каждом письме—страх, боль и робкая надежда: может быть, смерть не коснется кормильца костлявой рукой. Может быть, он вернется, и дети будут играть на его коленях.

Но гигантский конь ступает по мертвым телам, шевелит мертвые груди, а черный призрак смеется с безжалостным презрением.

От этого ада, опоясанного изгородью колючей проволоки, на которой висят расстрелянные люди, тянутся в тыл бесконечные вереницы. Они идут, ковыляют, ползут,—ползут безногие, ковыляют изувеченные, идут люди, у которых не осталось уже образа и подобия человеческого: безногие, с выжженными глазами, с оторванными челюстями, с наполовину снесенным черепом. Они ползут домой, в какие-то черные норы, которые приготовил им Молох капитализма. Под заборами огромных заводов будут они умирать, как запаршивевшие собаки.

А в тылу ревут домны, дымят заводы, жужжат и вертятся станки. Точат дула орудий, точат снаряды, набивают стаканы порохом. Готовят на дьявольской кухне капитализма удушливые газы, взрывчатые вещества. Вагоны угля, железа, дерева, хлопка, кожи в‘езжают в ворота заводов. Их пожирает ненасытная пасть и выбрасывает в царство смерти, чтобы сжечь их, истребить, расстрелять, пожрать без остатка.

Сжигают хлеб на полях и вереницами вагонов бросают в утробу смерти. Рубят лес, истребляют животных, истощают недра земли и не могут насытить Молоха. Пустеет земля, и над голодными деревнями каркают стаи голодных ворон.

Черный всадник повинуется могучему хозяину. Молох капитала, грязное, толстое чудовище с головой из золота и с ногтями из стали, простер свои лапы над измученными народами. Железной дисциплиной сковал он рабочих и землепашцев, которых оставил дома. Работать с утра до вечера, по указанию его величества капитала. Голодать организованно, до крошки с‘едая паек. Ради защиты отечества довольствоваться нищенской платой и половину ее отдавать в виде налогов. Недовольным и „изменникам“—дорога на бойню открыта. Золота, пота и крови много нужно вампиру—капитализму. Как спрут, обвили щупальцы трестов страну. Чтобы победить соперников, капиталисты прекратили грызню между собою; они все подчинили единой воле, сделали из страны часовой механизм, из рабочих—немые колеса и стрелки. Они на все надели железную узду, создали социализм дьявола—государственный капитализм.

Четыре года работает дьявольская машина, четыре года черный всадник войны топчет поля битв. Но в середине четвертого года навстречу исполину смерти поднялся другой призрак. Красный всадник на мощном, тяжелом коне появился на русских полях. Железной рабочей рукой схватил за горло и свергнул золотого Молоха, огненным мечом разбил во прах костлявого всадника смерти.

Семьдесят лет ждали в Европе великого пришельца. Семьдесят лет впервые появился над Европой Красный призрак ком-

мунизма. Далеким заревом на небе вставал он тогда. На заре, в грудах облаков рисовались его далекие очертания.

Теперь он жив, он уж родился. Уже бредет он по деревенским тропинкам, уже бросает свой взгляд на дворы огромных заводов. С востока на запад идет он—из стран отсталых к странам передовым, где всего крепче и ненасытнее чудовище капитализма. Радостно подымаются ему навстречу взоры угнетенных и истребляемых миллионов. Они тянут руки к избавителю. Растет прилив революции, превращается в мощный прибой, в бурное море, которое зальет твердыни старого мира.

Страшная машина шатается в Австрии, Венгрии, в Италии. Трещины пробежали по ее основам в Германии. Рабочие, пролетарии, могильщики капитализма, избавители человечества выпрямляют понемногу спину, пробуют встряхнуться и сбросить с шеи жадного упыря, сосущего их кровь.

Прошло четыре года мрака, подобного беспросветной ледяной ночи на полюсах мира. Встает красная заря вечного дня. Домой пойдут утерянные миллионы ткать на свободных станках новую жизнь, пахать свободную землю. Из грязи, зловония, из черного мрака, из беспросветного угнетения—к воздуху, к солнцу свободы, к тому светлому, великому, освобождающемуся, что зовется великим словом—коммунизм.

Четыре года войны привели общество на край гибели, а рабочих и крестьян загнали в черный тупик истребления, голода и рабства. Но они связали жизнь общества в единый узел, сделали из него точную машину, управляемую единой волей, они довели до белого каления революционное бешенство угнетенных. Через мировую войну, через величайший разгул и торжество капитала, рабочий класс шагнет с красным знаменем международной революции в руках в царство мирового освобождения, в царство социализма.

В. Осинский.

X.

Л. Троцкий. „Как вооружалась революция". Т. I.

(Стр. 13, 26, 114 и 190).

Вопросы, связанные с созданием вооруженной силы революции, имеют громадное значение для коммунистических партий всех стран. Невнимание к этим вопросам, тем более—отрицательное к ним отношение, прикрытое гуманитарно-пацифистской фразеологией, является прямым преступлением. Рассуждения о том, что всякое насилие есть зло, в том числе и революционное насилие, что коммунисты не должны поэтому заниматься „прославлением" вооруженной борьбы и революционной армии, представляют собой философию, достойную квакеров, духоборов и

старых дев Армии Спасения. Допускать такого рода пропаганду в коммунистической партии—то же самое, что допускать толстовскую пропаганду в гарнизоне осажденной крепости. Кто хочет цели, тот должен хотеть средства. Средством к освобождению трудящихся является революционное насилие. С момента завоевания власти революционное насилие принимает форму организованной армии. Героизм молодого пролетария, умирающего на первой баррикаде начинающейся революции, ничем не отличается от героизма красного солдата, умирающего на одном из фронтов революции, уже завладевшей государством. Только сентиментальные глупцы могут думать, будто пролетариату капиталистических государств грозит опасность преувеличения роли революционного насилия и чрезмерного преклонения перед методами революционного терроризма. Наоборот, пролетариату как раз и не хватает понимания важности освободительной роли революционного насилия. Именно поэтому пролетариат остается до сего дня рабом. Пацифистская пропаганда в рабочем классе ведет только к расслаблению воли пролетариата и помогает сохранению контр-революционного насилия, вооруженного до зубов.

(„Путь Красной армии").

Нам нужна армия, которая сделала бы нас могущественной силой для неизбежной грядущей борьбы с международным империализмом. При помощи этой армии мы будем не только защищаться и обороняться сами, но сможем содействовать борьбе международного пролетариата. Ибо нет сомнения, что чем больше награбят и передушат международные империалисты, тем страшнее, тем ужаснее будет гнев европейского рабочего-солдата, который, выйдя из окопа, в результате своих нечеловеческих страданий найдет дома обнищавшую голодную семью, а в стране—хозяйственную разруху.

(„Нам нужна армия").

А я скажу, что, если может быть такая эпоха, которая создает потребность в армии для величайших по своей справедливости целей, так это есть теперешняя эпоха. И если возможен режим, который, нуждаясь в защите, имеет право требовать ее от трудящихся масс, так это может быть только режим господства самих трудящихся масс. Несмотря на ошибки этих последних, несмотря на шершавость их режима, несмотря на то, что он слишком жестко проходит по коже некоторых господ интеллигентов,—несмотря на все это,—советский режим имеет право на развитие. Он будет утверждаться, а для этого он нуждается в армии. И эту армию мы будем создавать.

(„Красная армия". Речь на заседании В. Ц. И. К. 22 апреля 1918 г.).

Классовая милиционная армия, к которой мы идем, не означает, как ясно из всего предшествующего, импровизированной, т.-е. наспех созданной, мало обученной армии, со случайным подбором оружия и полуподготовленным командным составом. Наоборот, подготовка через всеобщее обучение должна быть поставлена так, чтобы, в связи с маневрами, стрелковыми упражнениями и военными празднествами, дать в результате более, чем ныне, квалифицированный тип отдельного бойца и целой части. Милиционная армия должна быть армией обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной науки.

(„Наша политика в деле создания армии").

XI.

„Коммунистический Интернационал".

№ 1. 1919 года (стр. 16—17).

К пролетариям всего мира.

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплоататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу вперед трудящихся масс, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и прежде всего обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создания коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова Красная армия Советской России, которая возникла и существует, как оплот завоеваний рабочего класса от всяких нападений изнутри и извне. Советская армия неотделима от Советского государства.

(„Из манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира").

XII.

Об‘явление войны.

Божиею милостью мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Об‘являем нашим верным подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия пред‘явила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, мы повелели привести армию и флот на военное положение, но дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно об‘явила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри! Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага!

С глубокой верой в правоту нашего дела и со смиренным упованием на всемогущий промысел, мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестные войска наши божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, царствования же нашего—двадцатое.

НИКОЛАЙ.

РЕЧЬ НИКОЛАЯ II.

20-го июля (2-го августа) 1914 г.

С спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка-Русь известие об об'явлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский солдат не уйдет с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь я ко всей единородной, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный.

XIII.

Декрет о мире.

Рабочее и Крестьянское Правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас все решительно шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями представителей всех стран и всех наций...

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающие эту войну на указанных, равно справедливых для всех без из'ятия народностей, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанные условия мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая

лишь на возможно более быстром предложении их какой-бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, с своей стороны выражая твердое намеренне вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство об'являет безусловно и немедленно отмененным...

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.-е. на срок, в течение которого вполне возможны, как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех стран, Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных, участвующих в настоящей войне, государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма... Рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий... и... беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

Принят на II-ом с'езде Советов 26-го октября (8-го ноября) 1917 г. Написано Н. Лениным (В. И. Ульяновым).

ПЬЕСЫ И ИНСЦЕНИРОВКИ.

I

Мобилизация в деревне.

1914 год.

Среди пляса порывисто распахивается дверь, входит запыхавшийся старшина с цепью на груди, в руках бумага.

Старшина *(трясет бумагой)*. Мир честной! Мир честной!..

Все враз смолкают, останавливаются.

Старшина. Православные! Война!..

Петр *(подходит, не торопясь, к старшине)*. Как война? Какая война, что ты?

Старшина. Здорово, Петр Назарыч, здорово, хозяюшка молодая да молодой хозяин. Здорово, мир честной... Враг войну об'явил нам. Из города курьер прискакал. Мобилизация об'явлена... Война...

Голоса. Неужто война?
Го-осподи.
Царица небесная...
Война...

Старшина. Кровопролитие будет большое. Много держав ввязалось в драку.

Голоса. Господи! Что-то будет, что-то будет...
Сказывают, планида по небу гуляет... Звезда с хвостом...
Ой, господи, помилуй нас... Война...

Старшина. Православные! Парни, мужики! Краснобилетники, белобилетники... Завтра к утренней заре все в волость. Мобилизация. Много народу требуют.

Голоса. А оттуда?

Старшина. В город.

Голоса. Как? Пошто в город?
Сразу?

Старшина. Сразу. Спешно. Строгий приказ. И тебя, Влас Петрович, огорчить должен. Заберут. И тебя, Степан, и тебя, и тебя. Да без малого всех возьмут.

Входит народ с улицы. Начинается плач. Девки обнимают парней. Слышны выкрики.

Старшина. Эй, мужики! По домам, по домам. Нюни распускать некогда. Эй бабы!.. Марш! Еще успеете наплакаться...

Все, толпясь, помаленьку выходят. Старшина следит глазами.

Варвара *(утирая слезы)*. Из-за чего же это война-то, господин старшина, батюшка?

Старшина. Не известно. Стало-быть, цари не поладили чего-то.

Петр. Нас спрашивать не станут.

Влас *(он роется в сундуке, разыскивая аммуницию. Сердито)*. Не станут. Вот то-то, что не спрашивают... Мы бы им...

Старшина. Наше дело маленькое.

Влас *(еще более раздражаясь)*. Маленькое? Они своими боками попытали бы... А то выпишут указ—народ иди! Эвот я, почитай, мальчишкой был в японскую войну. Реки корейские солдатскими телами прудили. Как трава под косой, народ ложился. И теперь то же самое? Где же правда то? Где бог то?

Варвара. Забыл нас истинный Христос...

Варвара валится на кровать и воет.

Влас *(крупно шагает по избе)*. Черти!.. Ух, черти! Верно рабочие то толковали: к чорту всех царей, тогда и войнам крышка. Ну, пошто народу друг с другом воевать? Земли, что ли у врага мало стало.

Петр. Экие дела какие. Канитель какая... А?

Влас. А ежели тесно—приходи, живи у нас. Тоись, прямо не из-за чего стало бы народу драться. А это цари да графья с князьями. Да богачи-миллионьщики. Тьфу! Вот по всем церквам указ... „Мы божьей милостью"... Милость! Нешто это милость! *(трясет рукой к божнице)*.

(Шишков, Вихрь, I акт).

II

На западном фронте.

Инсценировка.

Конюшня, отведенная под ночевку. Солдаты в открытые двери подтаскивают солому. Часть уже легла вдоль и поперек на охапках соломы и разговаривают.

1-й солдат. Об'ясни ты мне, пожалуйста, почему это на земле исчезла справедливость. Я пошел проситься у капитана в отпуск, на который имел право, и показывал ему письмо, что так и так, тетка моя только что скончалась. „Это враки"—говорит он мне. — Ну, подумал я про себя—это еще чище, так вот ты мне и скажи—почему, когда началась война, не началась также и настоящая справедливость для всех. Ведь ее можно

было бы устроить, потому что никто не сказал бы в тот момент— я не хочу. Почему все вышло как раз наоборот? И дело вовсе не только в том, что случилось со мною.

Ты возьми крупных промышленников, которые зарабатывают сотни лишних франков в день на этой бойне, да еще их шкура остается при них, и возьми ты франтов, что окопались в тылу, а сами вдесятеро здоровее этих дохлых запасных, которых не эвакуировали отсюда еще до нынешнего утра, и возьми ты кутежи по городам с красотками, жемчугами...

2-й солдат. К чему ты это говорил? Раз все идут и ладно!

3-й солдат. Нет, не ладно! Надо думать своими мыслями, а не чужими!..

Зяблик *(местный весельчак, указывая на Термита—лохматого карапузика, возящегося на темной соломе)*. Тише, ребята, он сейчас заговорит о милитаризме, я уже отметил его бойкий ум.

Термит. Ну, что же, взять хотя бы вопрос о милитаризме.

Солдаты смеются.

Один из группы. Уж не хочешь ли ты сказать, что немцы не милитаристы...

Термит. Понятно—милитаристы!..

Зяблик. Ну, вот же, тебя и загнали в угол!

Солдат *(с бравой выправкой, самодовольно)*. А я, брат, так далеко не забираюсь и не так хитер, как ты. Я знаю, что на нас напали, а мы только одного и желаем, чтобы жить спокойно и в мире со всеми! Да вот, например, у нас у Крезо, я знаю...

Термит *(яростно)*. Знаешь? Ты ровным счетом ничего не знаешь. Ты просто несчастная домашняя скотина, как и миллионы товарищей. Они нас собирают вместе, но раз'единяют, они говорят нам, что хотят, или ничего не говорят. Они говорят— вот что у тебя должно быть на сердце. Они...

Один из солдат *(мрачно)*. Кто это они?

Термит. Короли.

За дверями, освещенная костром, показывается фигура Маркасенна.

Один из группы *(добросердечно)*. Тише, старшой идет! Заткни глотку!

Термит *(понижая голос)*. Я не боюсь говорить то, что думаю.

Солдаты смеются, видя, как он скрывается в соломе.

Марга *(серьезно)*. Всегда будут две породы людей, которые всегда и есть—бунтари и послушные.

Голос *(из темноты)*. Чего ради он записался этот дядя?

Солдат *(с бравой выправкой)*. Дома есть нечего было. *(Зевнув)* Не надо унывать, а там пусть себе делают, что хотят. Особенно, раз, что все равно, по другому нельзя.

Сквозь открытую дверь брезжит рассвет. Солдаты, ворочаясь, засыпают. Кто-то говорит: „Кончились непогожие дни“. Другой отвечает: „Пора“. Из дальнего угла—голос: „Поскорей-бы кончилась война“. Кряхтение и вздохи смолкают. Тишина.

В открытую дверь входят две фигуры, продолжая взволнованно разговор. Оба бледны и оборваны.

Первый. Ты понимаешь, старина, что, вместо того, чтобы слушать его, я всадил ему штык в живот так, что насилу мог его потом вытащить..

Второй. А я, их было четверо в землянке, я позвал их, чтобы заставить их выйти; по мере того, как они выходили, я приканчивал их. Руки у меня были по локоть в крови.

Первый. Да, когда будешь рассказывать впоследствии, если только вернешься, своим, там дома, у очага, у зажженной свечи, кто этому поверит. Разве это не ужасно, скажи-ка?..

Второй. Ну, я на это плюю. Лишь бы вернуться. Только бы скорее конец!

Первый. Я имел дело с тремя, я бил как безумец—эх, все мы были зверьмы, когда добрались сюда.

Пауза.

Это было нужно для будущего.

Будущее... какими глазами те, кто будет жить после нас, те, чье сознание будет находиться в равновесии, благодаря прогрессу, неизбежному, как судьба, какими глазами будут они глядеть на эти убийства и на эти подвиги, относительно которых даже мы, совершающие их, не знаем, с чем сравнить их—с деяниями Плутарха и Корнеля или с подвигами апаша?

И все же, гляди, нашлось одно лицо, которое поднялось выше войны и будет блистать своей красотой и величием своего могущества... Либкнехт... *(длинная пауза. Солдаты спят. Первые лучи солнца, пробиваются на востоке, окрашивая лица красноватым светом).*

Будущее! Будущее! Делом будущего будет стереть это настоящее, стереть его больше, чем это думают, стереть его, как что-то отвратительное и постыдное. И все же это настоящее было нужно, необходимо. Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, служащего буржуазии, которая превращает человека то в тупую жертву, то в недостойного палача. Да, позор. Это правда, это сверхправда!

Занавес.

(По роману А. Барбюс. Огонь).

III

Сцена на русском фронте (март 1917 г.).

Действующие лица: Комиссар Врем. Правительства. — Первый солдат.—Второй солдат.—Третий солдат.
Толпа.

Комиссар Временного. Правительства. Граждане солдаты отныне свободной русской армии, мне выпала редкая честь поздравить вас со светлым праздником: цепи рабства разбиты в три дня, без единой капли крови русский народ совершил величайшую в истории революцию.

Солдаты *(без оружия, в распоясанных шинелях)*. Урррааа!..

Комиссар Врем. Правительства. Солдаты!.. Еще вчера вы были нижними чинами, бессловесным стадом, которое царская ставка бросала на убой... Вас не спрашивали, за что вы должны умирать... Вас секли за провинности и расстреливали без суда... Я, назначенный Временным Правительством, комиссар армий западного фронта, об'являю вам: отныне нет более нижних чинов. Название отменяется. Отныне вы, солдаты, равноправные граждане государства российского: разницы больше нет между солдатом и командующим армией... Отдача чести солдатом какому-бы то ни было офицерскому чину — отменяется навсегда. Вы можете здороваться за руку с генералом, если вам охота...

Голоса. Го, го, го!

Комиссар Врем. Правительства. И, наконец, самое главное, солдаты, прежде война велась царским правительством, нынче она ведется народом—вами. Посему, Временное Правительство предлагает вам образовать во всех армиях солдатские комитеты—ротные, баталионные, полковые и т. д. вплоть до армейских... Отныне солдатский палец будет гулять по военной карте рядом с карандашом главковерха... Солдаты, я поздравляю вас с главнейшим завоеванием революции!..

Первый солдат. А скоро замиряться с немцами станем?..

Второй солдат. Третий месяц в окопах гнием... износились...

Третий солдат *(рыжеватый, радостно-злой, в шинели в накидку, хватает комиссара за ремень френча)*. Господин военный комиссар, вы нам сладко говорили, мы вас сладко слушали... Теперь вы на мой вопрос ответьте... Получил я из деревни письмо, сдохла у меня дома коровешка, сам я безлошадный, и хозяйка моя с детьми пошла по-миру, просить у людей куски... Значит, теперь имеете вы право меня расстрелять за дезертирство?—Я вас спрашиваю...

Комиссар Врем. Правительства. Солдаты, здесь происходит недоразумение... Первый завет революции, господа, —

это верность нашим союзникам... Свободная, революционная армия со свежей силой должна обрушиться на злейшего врага свободы, на империалистическую Германию...

Первый солдат. А ты сам-то кормил вшей в окопах?..

Второй солдат. Он их с роду не видал...

Третий солдат. Ты нам про свободу не говори, ты нам про войну говори:—мы три года воюем... Это вам хорошо в тылу брюхо отращивать, а нам надо знать, как войну кончать...

Комиссар Врем. Правительства. Солдаты, знамя революции поднято: свобода и война до последней победы!

Голоса: Вот чорт, дурак непонятный...

— Да, мы три года воюем, победы не видали...

— А зачем тогда царя скидывали?..

— Чего на него смотрите, товарищи, он подкупленный...

— Подосланный, сразу видно...

Третий солдат (*схватил комиссара за грудь, и трясет*). Зачем ты сюда приехал?.. Говори—зачем приехал?.. (*Комиссар отталкивает солдата Солдат, сморщившись, сдернул с себя железный шлем и с силой ударяет им военного комиссара несколько раз в голову и лицо. Военный комиссар падает*).

Толпа. У-рр-ра... Долой войну!

(„Хождение по мукам"—А. Н. Толстой).

IV

Американец в плену или человек чужой земли.

Инсценировка Н. Бугославской.

На сцене расположился на отдых отряд партизан с женщинами и детьми. Между ними телеги, нагруженные сундуками и другим скарбом. У телег пулеметы с зелеными щитами, винтовки.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Никита Вершинин. Бывший рыбак—председатель революционного штаба (ревштаба), средних лет. Лицо обветренное.
2. Васька Окорок. Бывший рабочий на приисках. Говорит быстро, отрывисто. Голова рыжая, кудрявая.
3. Пентефлий Знобов. Бывший рабочий на Владивостокских доках. У него лохматые, как лисий хвост, усы.
4. Американский солдат. Лицо бритое, молодое. Одет в летнюю фланелевую форму.
5. Син-Бин-У. Китаец, лицо цвета песка золотых россыпей.
6. Авдотья Сещенко. Полная, крепкотелая женщина. Одета в палевую юбку.

Седой крестьянин и с ним еще 2 молодых, приведшие американского солдата. Крестьянин с перевязанной головой, и др., одеты в разноцветные рубахи, многие в синих штанах.

Вбегает на сцену мужик с перевязанной головой и кричит:

1-й партизан. Мериканца пымали, братцы!..

Васька Окорок. Ого-го-го...

Входят трое мужиков с винтовками, посреди них американский солдат, у которого испуганно дрожат открытые губы.

Седой мужик. Кто у вас старшой?

Вершинин. По какому делу?

Васька Окорок *(закричал)*. Он старшой-то, он, Никита Егорыч Вершинин. А ты рассказывай, как пымали-то!

Седой мужик *(сплюнул и, похлопывая американского солдата по плечу, точно тот сам явился, стал рассказывать со стариковской охотливостью)*. Привел его к тебе, Никита Егорыч. Вознесенской мы волости. Отряд-то наш за японцем пошел далеко...

Вершинин. А деревень-то каких?

Седой мужик. Селом мы воюем. Пенино село, слышал, может?

Окорок. Пожгли его, бают.

Седой мужик. Сволочь народ! Как есть все село попалили, вот и ушли в сопки.

Партизаны *(собрались вокруг, заговорили)*. Одну муку принимали, понятно.

Седой мужик. Ехали они двое, мериканцы-то, на трашпанке, в жестянках молоко везли. Дурной народ: воевать приехали, а молоко жрут с шеколадом. Одного-то мы сняли, а этот руки задрал. Ну, и повели. Хотели старосте отдать, а тут их целая компания. *(Американец стоял, выпрямившись, по-содлатски, и, как с судьи, не спускал глаз с Вершинина. Мужики сгрудились, и среди них поднималась сухая злоба. Мужики загалдели)*.

1-й партизан. Чего его?

2-й партизан. Пристрелить его, стерву!

Окорок. Крой его—и никаких.

Американский солдат слегка сгорбился и боязливо втянул голову в плечи.

1-й партизан. Жгут, сволочи!

2-й партизан. Распоряжаются, будто у себя.

1-й партизан. Ишь, забрались!

2-й партизан. Просили их!

Окорок *(пронзительно завизжал)*. Б-е-е-й!

Знобов *(залез на телегу и, точно указывая на потерянное, закричал)*. Обождь, товарищи, убить завсегда можно. Очень просто. Дешевое дело убить. Вот их сколь на улице-то навалили. А, по моему, товарищи, распропагандировать его и пустить. Пущай большевистскую правду понюхает. А я так полагаю.

Мужики *(густо, как пшено из мешка, засыпали хохот)*. Хо-хо-хо. Хе-хе-хе... Хе-е...

Окорок. Валяй, Пентя, запузыривай! Лупи!

Авдотья Сещенкова *(подобрав юбки, наклонилась и толкнула американца плечом).* Ты вникай, дурак, тебе же добра хочут!

Окорок *(закричал американцу во все горло).* Ты им там раз'ясни подробно. Не хорошо, мол. Зачем нам мешать? Против своего брата заставляют итти. *(Американец улыбался и ничего не понимал).*

Вершинин *(степенно).* Люди все хорошие, должны понять. Такие же крестьяне, как и мы, скажем, пашете и все такое. Японец — он што, рис жрет, для него по-другому говорить надо.

Знобов *(тяжело топчется перед американцем и, приглаживая усы, говорит).* Мы разбоем не занимаемся, мы порядок наводим. У вас, поди, этого не знают за морем-то; да и опять и душа-то у тебя чужой земли...

Американец *(беспомощно оглядывается и говорит).* I dont understand (Ай донт эндерстэнд—я не понимаю).

Мужики, которые все время возбужденно ходили вокруг амриканца, передвигая его в толпе, как лист по воде, кричали, жали ему руки, сразу остановились и замолкли.

2-й Партизан. Не вникат. По-русски-то не знат, бедность.

Мужики, медленно, словно виновато, отходят от американца.

Вершинин *(смущенно говорит Знобову).* Отправить его в обоз, что тут с ним чертомелиться.

Знобов *(не соглашаясь, упорно твердит).* Он поймет. Тут только надо... он поймет. *(Знобов думает. Американец, все припадая на ногу, слегка покачиваясь, стоит, и чуть заметно ворошит его лицо тоска. Син-Бин-У ложится на землю подле американца, закрыв ладонью глаза, тянет пронзительную китайскую песню).*

Вершинин *(тоскливо).* Мука мученическая.

Окорок *(нехотя).* Рази книжку какую. *(Находят книжки и рассматривают их).*

Знобов. Только на раскурку и годны. Кабы с картинками.

Авдотья *(порылась в сундуках, стоящих на телеге, приносит истрепанный с оборванными углами учебник закона божия для сельских школ и спрашивает).* Може, по закону?

Знобов *(открывая книжку).* Картинки-то божественны. Нам его не перекрещивать, не попы.

Окорок. А ты попробуй.

Знобов. Как его. Не поймет, поди.

Окорок. Может поймет. Валяй.

Знобов *(подзывая американца).* Эй, товарищ, иди-ка сюда! *(Американец подошел, мужики опять собрались. Знобов сказал громко и твердо).* Ленин!

Американец *(вздрагивает всем телом, блестит глазами и радостно отвечает)* There's a chap! *(Дзерс э чеп—вот это человек!).*

Знобов *(стукнул себя кулаком в грудь и, похлопывая ладонью мужиков по плечам и спинам, ломаным языком прокричал).* Советская Республика!

Американец *(протягивая руки к мужикам, возбужденно кричит).* That is pretty indeed! *(дзет из претти индид — это дйствительно прекрасно!) (мужики радостно хохочут).*

1 Партизан. Понимат, стерва.

2 Партизан. А, Пентя-то, Пентя-то по-американски кроет.

Окорок. Ты ихних-то буржуев, по матушке, Пентя.

Знобов *(торопливо раскрыл учебник закона божия и, тыча пальцем в картинку, где Авраам приносил в жертву Исаака, а вверху в облаках висел бог, раз'ясняет).* Этот с ножом-то—буржуй. Ишь брюхо распустил, часы с цапочкой. А здесь на бревнах-то, пролетариат лежит, понял? Про-ле-та-ри-ат.

Американец *(указывает себе рукой на грудь и, протяжно и радостно заикаясь, гордо говорит).* Про-ле-та-ри-ат! *(Мужики обнимают американца, щупают его одежду и изо всей силы жмут его руки, плечи).*

Окорок *(хватает его за голову и, заглядывая ему в глаза восторженно орет).* Парень, ты скажи там за морями-то...

Знобов *(продолжая).* Лежит он, пролетариат, на бревнах, а буржуй его режет. А на облаках-то японец, американка, англичанка—вся эта сволочь, империализма самая сидит.

Американец *(сорвал с головы шапку и завопил).* Империализм. Awэy! *(Эвей—долой!).*

Знобов *(с ожесточением швыряя книжки на-земь).* Империализму с буржуями к чертям!

Син-Бин-У *(подскакивает к американцу и торопливо говорит).* Русика ресыпубылика-а. Кытайся ресыпубылика-а. Мериканыса ресыпубылика-а, пухао. Нипонсы, пухао, надо, надо ресыпубылика-а. *(Оглядевшись кругом, Син-Бин-У встает на цыпочки и медленно, подымая большой палец кверху, говорит).* Шанго.

Вершинин *(приказывает).* Накормить его надо. А потом вывести на дорогу и пустить.

Седой мужик *(спрашивая).* Глаза-то завязать, как поведем. Не приведет сюда?

Партизаны. Не надо, не выдаст.

(По повести В. Иванова „Бронепоезд № 1469“).

V.

„Джимми Хиггинс“

(Инсценировка по Куббасу).

Сцена 1-ая.

На сцене темно. На экране изображается корабль, плывущий по бурному морю. На переднем плане сцены зажигается свет, пробегает несколько людей. Появляются две женщины.

1-ая женщина. А и холодный же ветер у нас в Архангельске.

2-ая женщина. Трудно итти против ветра! *(проходит)*.

Входят трое.

1-й. В Архангельск прибыл корабль.

2-й. Говорят, что на нем американское войско.

Все трое. Трудно итти против ветра *(уходят)*.

Входит третья пара.

1-й. Такая метелица гуляет сейчас по всей России.

2-й. До самого Кавказа по всем городам и селам *(уходят)*.

Сцена 2-ая

пауза.

Проходит группа американских солдат.

Ганет *(командует)*. Стой! *(группа останавливается)*. Хиггинс! *(Хиггинс выходит из строя)*.

Ганет. Мне донесли, что вы уже не в первый раз выступаете в армии против войны, что вы оправдываете большевиков, и что вы—социалист. Так было на пароходе во время дороги! А только что я и сам это случайно услышал на пристани. Таких разговоров вести в армии нельзя. Ваше дело только—мотоциклетка, а не государственные вопросы.

Джимми. Какие же после этого права у солдата? Значит, нам нельзя заниматься политикой?

Ганет. Молчать, ни слова! Встать здесь на часах!

Джимми становится на часы. Солдаты уходят. Появляются Калинкин и рабочий.

Калинкин *(работнику)*. Тише, ты взял с собой все, что требуется?

Рабочий. Вот тут, в кармане!

Калинкин. Будь осторожен, не приступай к делу, прежде чем не убедишься, что он тебя не выдаст.

Рабочий. Вступить в переговоры только с одним?

Калинкин. Только с одним, чтобы никто не слышал!

Рабочий. Где их найти?

Калинкин. Тут их много рассыпалось по разным домам. Некоторые гуляют по улицам. Другие занимают караулы.

Рабочий *(увидев Джимми)*. Вот один!

Калинкин. Тссс! Этого я беру на себя. Будь здоров.

Рабочий. Будь здоров.

Расходятся.

Сцена 3-я.

Калинкин приближается к Джимми, стоящему на часах.

Калинкин. Сегодня очень холодный ветер.

Джимми. Эге-эге...

Калинкин. Не так, как в Америке. Я когда-то жил в Америке. Я работал там на заводе.

Джимми. Зачем же вы сюда вернулись?

Калинкин. Когда я узнал, что в России произошла революция, то подумал, что мне удастся здесь разбогатеть.

Джимми. Ох, ох. И что-ж, вы разбогатели?

Калинкин *(другим тоном)*. Вы состоите в Америке в каком-нибудь союзе?

Джимми. Можете быть в этом уверены.

Калинкин. А в каком именно?

Джимми. В союзе металлистов!

Калинкин, И, конечно, принимали участие в забастовках?

Джимми. А то как-же!

Калинкин. И здорово вам за это доставалось?

Джимми. Еще бы.

Калинкин. Вот как. А вы никогда не были штрейкбрехером?

Джимми. Не приходится сомневаться.

Калинкин. Да вы, как видно, сознательный рабочий?

Джимми. Ну, да—я социалист!

Калинкин *(радостно)*. Так! У вас есть красная карточка?

Джимми. Ну, да! Во внутреннем кармане куртки!

Калинкин. Боже-мой, товарищ!

Джимми. Товарищ!

Калинкин. Если вы социалист, то почему вы сражаетесь с русскими рабочими?

Джимми. Я с ними не сражаюсь!

Калинкин. Вы носите форму?!

Джимми. Я только мотоциклист!

Калинкин. Но—вы оказываете помощь. Вы убиваете русских, вы уничтожаете Советы,—почему?

Джимми. Я об этом ничего не знал! Я хотел драться только с кайзером, а меня привезли сюда, ничего мне не сказав.

Калинкин. А! Так всегда бывает при милитаризме, при капитализме. Мы рабы, но мы будем свободными! Вы нам поможете. Вы не станете убивать русских рабочих! Покажите мне свою красную карточку.

Джимми. Конечно, не стану! Красную карточку... красную карточку... Вот! *(показывает)*.

Калинкин. Хорошо, я вам верю. Меня зовут Калинкин! Я—большевик!

Джимми. И я большевик!

Калинкин. Я тут остался для пропаганды. Я ищу товарищей среди американцев и среди англичан. Я им говорил: не воюйте с рабочими, воюйте с хозяевами капиталистами. Вы понимаете!

Джимми. Конечно.

Калинкин. Если хозяева меня найдут, они меня убьют. Но я вам доверяю.

Джимми. Ну, конечно, я не расскажу.

Калинкин. Вы мне поможете. Вы пойдете к американским солдатам и скажете им: русский народ был столько лет рабом, теперь он получил свободу, а вы пришли убивать русских и снова обращать их в рабов. Зачем это?

Джимми. Они ответят, что они хотят воевать с кайзером

Калинкин. Но и мы же боремся с кайзером!

Джимми. Они скажут, что вы подписали с ними мир!

Калинкин. Мы воюем с ними пропагандой! Кайзер боится этого больше всего на свете. А вы вели пропаганду там в Америке?

Джимми. А то как-же. Я сидел однажды в тюрьме за произнесение речи на улице.

Калинкин. Вы хотите знать, как говорить с вашими товарищами солдатами, чтобы они вас поняли... *(оглядывается и протягивает Джимми прокламацию)*. Печатайте прокламации, которые мы раздавали германским войскам. Переведите их на английский язык, чтобы американцы и англичане сумели их прочесть. Как вы думаете, это принесет нам помощь?!

Джимми *(читает)*. „Германские солдаты! русские солдаты 12-ой армии обращают внимание ваше на тот факт, что вы ведете войну за автократию против революции свободы и справедливости. Победа Вильгельма будет смертью для демократии свободы. Мы уходим из Риги, но мы знаем, что силы революции в конечном итоге окажутся более могущественными, чем сила пушек. Мы знаем, что впоследствии ваша совесть преодолеет все, и германские солдаты, вместе с русской революционной армией, пойдут к победе свободы. Вы в настоящее время сильнее нас, но ваша победа—только победа грубой силы. Моральная сила на нашей стороне. История скажет, что германский пролетариат пошел против своих революционных братьев и что они забыли о международной солидарности рабочего класса. Это преступление вы можете искупить только одним средством. Вы должны понять свои собственные и в то же время всеобщие интересы,

напрячь все ваши неизмеримые силы против империализма и пойти рука об руку с нами—к жизни и к свободному труду“.

Калинкин. Ну что вы об этом думаете?

Джимми. Чудесно! Как раз это-то и нужно. Никто ничего не сможет на это возразить. Это факт, это именно то, что делают большевики.

Калинкин. Товарищ, если у вас найдут такой листок, вас расстреляют, как собаку! Нас всех расстреляют.

Джимми. Но почему?

Калинкин. Потому что это большевистский листок! Показывайте его только тем, кому можно доверять. Спрячьте копии, возьмите один листок и запачкайте его. Вы скажете: я нашел его на улице. Вот видите, разве большевики не сражаются с кайзером... А в таком случае нужно ли нам с ними сражаться? Так вы и раздавайте их. А я к вам приду с еще какой-нибудь новинкой.

Джимми. Доверьтесь мне, товарищ. Я раздам их и бьюсь об заклад, что они принесут свои результаты.

Калинкин. А про меня не рассказывайте!

Джимми. Не расскажу, хотя бы меня сварили живьем!

На сцене темнеет. Когда снова зажигается свет, то по сцене проходят два солдата, с прокламациями.

Солдаты. Прокламация!! *(читают).*

Их окружают другие солдаты. Неожиданно появляется лейтенант Ганнет с агентами: Перкинсом, Греди и др.

Сцена 4-ая.

Ганнет *(выхватывая прокламацию у Хиггинса).* Хиггинс, где вы достали этот листок?

Джимми. Я нашел его в канаве!

Ганнет. Вы лжете!

Джимм. Нет, сэр!

Ганнет. Сколько вы нашли этих листков?

Джимми. Кажется три, сэр!

Ганнет. Вы лжете!!.

Джимми. Нет, сэр!

Ганнет. Кому вы их роздали?

Джимми. Я не хотел бы об этом говорить!

Ганнет. Я приказываю вам отвечать!

Джимми. К сожалению, сэр, я не могу.

Ганнет. Вы обязаны сказать. Мы вас принудим к этому. Вы нашли всего только три листка?!

Джимми. Может быть их было четыре, но я не обратил на это внимания...

Ганнет. Вы симпатизируете этим призывам?

Джимми. Пожалуй!

Ганнет. И вы нашли и не сосчитали,—три было или четыре?

Джимми. Нет, сэр!

Ганнет. Может—их было пять?!

Джимми. Не знаю, сэр! Кажется, что нет!

Ганнет. Во всяком случае, шести не было?

Джимми. Нет, сэр, я уверен, что шести не было!

Ганнет. Обыскать его!

Агенты подходят к Джимми.

Греди. Красная карточка, сэр, больше ничего.

Ганнет. Ха-ха...

Джимми. Это—билет социалистической партии!

Ганнет. Разве вам неизвестно, что тех солдат, которые возвращаются в Америку с такими билетами, замуровывают в тюрьму на 20 лет?

Джимми. Как, за такую карточку?

Ганнет. Хиггинс, вас изловили по горячему следу. Вы изменник! Кара за это—смерть. Спасти свою жизнь вы можете только в том случае, если честно про все расскажете! Поняли?

Джимми. Понял!

Ганнет. Тогда скажите мне, кто дал вам эти листки?

Джимми. Сэр, я нашел их в канаве!

Ганнет. Вы продолжаете рассказывать эту дурацкую сказку...

Джимми. Это правда, сэр!

Ганнет. Вы не хотите открыть своих сообщников по заговору и рискуете жизнью.

Джимми. Я рассказал все, что знаю!

Ганнет. Хорошо! Перкинс, поговори с ним!

Перкинс. Ну, ты, сукин сын. Слушай, что я буду говорить. Я расследовал все твое дело. Я узнал имена большей части тех большевиков, с которыми ты снюхался, но я хочу знать всех и узнаю. Ты понял? Ты мне расскажешь. Я буду у тебя вырывать косточку за косточкой, если ты меня заставишь это сделать. Я сделаю все, чтобы ты заговорил! Понял? Ну кто они?

Джимми. Никого не знаю!

Перкинс. Ах, так! вот мы посмотрим. Пытайте его!

Джимми (*Перкинсу*). Стойте, стойте!

Перкинс. Ну, ты скажешь?!

Джимми (*вырывает руку*). Вы сломаете мне ту руку, которая ранена...

Перкинс. Ранена?

Джимми. Она была перебита пулей!

Перкинс. Что ты мелешь глупости!

Джимми. Это правда! Спросите у кого угодно. В бою под Чатти-Терли во Франции.

Перкинс. Если ты был ранен в бою, зачем же ты стал изменником? Называй имена!

Джимми. Подождите, послушайте!

Перкинс. Назовешь имена?

Джимми *(стонет от боли).* А... а... а... Нет.

Перкинс. Завзятая сволочь! Нагните ему голову! Свяжите ему руки! Ну, ты скажешь, красная карточка! Сдавите ему горло!

Джимми *(хрипло).* Потемнело в глазах. Не скажу! *(С этими словами Джимми падает).*

Перкинс. Облить его водой!

Ганнет. Ну, Перкинс, видно, ничего от него не добьешься.

Перкинс. Упрямая сволочь. Не могу из него вытянуть ни одного слова. Он социалист, и вы не знаете, до чего многие из этих господчиков упрямы!

Ганнет. Хиггинс, вы слышите меня! Я вас последний раз спрашиваю. Вы признаетесь, или нет?

Джимми *(решительно).* Я ничего не скажу!

Финал.—Сцена 6-ая.

Сзади на станке появляются представители держав.

Представитель Америки. Меня удивляет, я не понимаю, как кто-нибудь из граждан великой американской демократии может оказывать помощь большевистским гадам, которые учиняют террор по всей России, стреляют, мучают и убивают.

Джимми. И это вы говорите про муки? Разве вы не мучили меня, разве вы не разрывали меня буквально на части!

Ганнет. Мучили?

Джимми. Мучили целыми днями!

Ганнет *(Перкинсу).* Что вы на это скажете, сержант?

Перкинс. Сэр, это чистейшая ложь!

Джимми. Поглядите на эти пальцы! Вы знаете, что они делали со мной в подвале в течение целой недели!

Перкинс. Он чуть не убил, этот арестованный буян, тюремщика,—так что пришлось его связать.

Джимми. Это—ложь!

Представители держав *(хором).* Молчать!

Ганнет. Знаете ли вы, что вам грозит смертная казнь?

Представитель Америки. Знаете, что—нам придется вас расстрелять, если вы не назовете своих большевистских союзников.

Белогвардеец. Будьте суровы, будьте жестоки, чтобы ваша армия была обеспечена от пропаганды этих убийц. Я по себе знаю. Будьте жестоки!

Джимми. Вы говорите:—убийц! А разве не собираетесь меня убить!?

Представители держав. Мы исполняем закон!

Джимми. Вы делаете то, что у вас называется законом. А они делают то, что у них называется законом. Вы убиваете людей, которые не слушаются вас! И они должны делать то же самое.

Представители держав *(кричат)*. Они убивают!

Представитель Франции. Всех людей—верных старым законам.

Джимми. Вы хотите сказать—богатых людей. Они заставляют богачей подчиняться своим законам! Они дают им возможность жить, но если те не слушаются их, они их убивают. Убивают их столько, сколько нужно, чтобы их слушались! А разве вы не делаете то же самое с бедняками? Разве я не видел, что вы делали каждый раз, когда происходили забастовки?

Представители держав. Тут не социалистический митинг. Тут не партийный с'езд социалистов! Мы не хотим его слушать! Замолчать! Замолчать! Сто чертей!!

Темнеет, и, когда снова зажигается свет, на сцене—Джимми и Перкинс с агентами.

Перкинс. Ты поставил на карту мою репутацию агента. Сейчас я примусь за тебя.

Джимми. Я ничего не скажу!

Перкинс. Пытать его до тех пор, пока не сознается.

Агенты принимаются за свою работу.

Джимми. Ха-ха-ха...

Агент. Господи боже. Он сошел с ума!

Джимми. Ха-ха-ха...

Вбегают несколько американских солдат.

Один из солдат. Джимми, Джимми, за тебя одного... теперь нас миллионы.

Перкинс. Погибла моя репутация агента!

Голоса. Все вы должны погибнуть! Мы отомстим! Нас миллионы! Смерть войне!

(Синклер, Джимми Хиггинс).

КОНЕЦ.

СОЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ.

(Стихи, поэмы, басни и побасенки).

I

Всемирный разбой

Голытьба городов с деревенской голью —
Вы одной были спаяны болью,
Были скованы цепью одной.
Богачи, помыкая родною страной,
Вас, в мундиры затянутых,
Ложью царской, церковной и школьной обманутых,
На всемирный погнали разбой —
Биться на-смерть с такой же, как вы, голытьбой,
С пролетарскою ратью, в мундиры затянутой,
Палачами своими обманутой.
Мироедов своих защищая прибытки,
Горемычная Русь, ты не вынесла пытки.
Над тобой, разоренной, голодной,
Истекавшею кровью народной,
Рос и ширился новый суровый напев.
Сквозь рыданья и стоны тоски безысходной
Рокотал назревающий гнев!

Демьян Бедный.

(Из стих. „Привет“, посвящен. III-му Интернац., Демьяна Бедного).

II

Банкир

Он—в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь,—там, на краю вселенной!
Пред ним Батавия, Коломбо и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борются, то к пристани спешат;

Пред ним те станции, что строил он в пустынях,
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;
Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;
Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием: он может их рубеж
Расширить, иль стеснить, иль бросить их в мятеж,
По прихоти своих расчетов потаенных;
Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король, ведет, без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых.
И в кресле выцветшем угрюмый, неизменный,
Порывисто чертя узоры беглых строк,
Своим хотениям он подчиняет Рок. —
И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!
О, золото, что он сбирает в разных странах,
И в городах безумствующих, пьяных,
И в селах, изнывающих в труде,
И в свете солнечном, и в воздухе—везде!
О, золото крылатое, о, золото парящее!
О, золото несытое, жестокое и мстящее!
О, золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О, золото живое,
Лукавое, глухое!
О, золото, что порами нужды
Бессонно пьет земля с Востока до Заката,
О, злато древнее, краса земной руды,
О, вы, куски надежд и солнца! злато! злато!
Чем он владеет, он не знает.
Быть может, башни превышает
Гора накопленных монет!
Но все холодный, одинокий,
Он, как добычу долгих лет,
С какой бы радостью глубокой
Небес охране вековой
Доверил самый шар земной!
Толпа его клянет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердец пожар упорный,
Сжигает души всех, его ж душа—пуста.
И, если он кого обманет, что за дело!
На завтра тот к нему стучится вновь несмело.

Его могущество, как ток нагорных вод,
С собой влечет в водоворот
(Как камни, листья и растенья)
Имущество, богатство, сбереженья
И малые гроши,
Которые в тиши
Копили бедняки, в поту изнемогая.
Так, подавляя все Ньягарами своей
Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
Над грудами счетов весь погруженный в думы,
Решает судьбы царств и участь королей.

Э. Верхарн.

III

Сход

Ходит староста Федот,
Мужиков на сход зовет:
„Выходи, Егор, Тарас.
От начальства есть приказ:
Увязался царь в войну;
Нужны денежки в казну,
А для царских для полков
Надо много мужиков“.
С печи дед кряхтя спустился
И на сходку потащился.
Обступили деда вкруг:
„Присоветуй, друг!“
А старинушка в ответ:
„Уж не знаю, что, мой свет:
То ли рать
Царю сбирать,
То ли брагу затирать?
Эх, заварим бражку нову
На погибель на цареву.
От царей не жди добра.
Взяться нам за ум пора,—
Гнать их с нашего двора“.

* * *

Война не шутка—
Нутка!—
Чаяли три похода,
А не упрятать и в три года.
Мужики, хлопы,—

Все в окопы —
Под метлу.
А кто побогаче, —
      В тылу,
      Не иначе.
Купцы-буржуи
Цены вздули—
      Ай, люли!
Всякий товар
Жжется, как вар,
А подряд для войны...
И не выговорить цены.
Купцы за войну.
      Овес
С помещичьих полос
Вверх, вверх пополоз.
Поставка в казну —
Цены ударные,
      Угарные.
Помещики за войну.
Церковные звоны,
      Поклоны,
      Моления
О победе и одолении,
      О болящих,
      Скорбящих,
      Сущих в плену;
      А и панихида
      Попу не обида.
Попы за войну.
Земля пить кровь устала,
А цари говорят: „мало".
Над царями царь—Капитал —
Под небо встал,
Пушками грохотал:
      „Будет бой,
      Пока банкиры
      Не поделят мира
      Между собой".

(„Расея"—Басова-Верхоянцева).

IV

„Война и мир“

Это случилось в одну из осеней,
были
горюче-сухи
все,
металось солнце,
сумасшедший маляр,
оранжевым колером пыльных выпачкав.
Откуда-то
на землю
нахлынули слухи.
Тихие.
Заходили на цыпочках.

Их шопот тревогу в груди выселил,
а страх
под черепом,
рукой красной
распутывал, распутывал и распутывал мысли,
и стало невыносимо ясно:
если не собрать людей пучками рот,
не взять и не взрезать людям вены, —
зараженная земля
сама умрет —
сдохнут Парижи,
Берлины,
Вены.

Чего размякли?
Хныкать поздно.
Раньше б раскаянье осеняло.
Тысячеруким врачам
ланцетами роздано
оружье из арсеналов.

Италия.
Королю,
брадобрею ли,
ясно —
некуда деться ей.
Уже сегодня
реяли
немцы над Венецией.

Германия.
Мысли,
музеи,
книги,
каньте в разверстые жерла.
Зевы зарев, оскальте нагло.
Бурши,
скачите верхом на Канте.
Нож в зубы.
Шашки наголо.

Россия.
Разбойной ли Азии зной остыл?
В крови желанья бурлят ордой.
Выволакивайте забившихся под Евангелия Толстых.
За ногу худую.
По камню бородой.

Франция.
Гони с бульваров любовный шопот.
В новые танцы—юношей выловить.
Слышишь, нежная.
Хорошо
под музыку митральезы жечь и насиловать.

Англия.
Турция.
Т-р-а-а-ах.
Что такое?
Послышалось.
Не бойтесь.
Ерунда.

Земля.
Смотрите,
что по волосам ее.
Морщины окопов легли на чело.
Т-с-с-с-с-с-с!
грохот.
Барабаны, музыка.
Неужели!
Она это,
она самая.
Да.
НАЧАЛОСЬ!

В. Маяковский.

V

„Война и мир“.

Отрывок из 3-й части.

Ухало.
Ахало.
Охало.
Но уже не та канонада,
повздыхала еще
и заглохла.
Вылезли с белым.
Взмолились —
не надо.

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.
Безрукому огрызку кровавого обеда,
на чорта она...

Последний на штык насажен,
наши отходят на Ковно,
на сажень
человечьего мяса нашинковано.

И когда затихли
все, кто нападали,
лег
батальон на батальоне,
выбежала смерть
и затанцовала на падали,
балета скелетов безносая Тальони.

Танцует.
Ветер из-под носка.
Шевельнул папахи,
Обласкал на мертвом два волоска,
и дальше, —
попахивая.

Пятый день
в простреленной голове
поезда выкручивают за изгибом изгиб.
В гниющем вагоне
на сорок человек —
четыре ноги.

В. Маяковский.

VI

Ты идешь сражаться!

Ты идешь сражаться,
Покидая
Мастерские, заводы, конторы, верфи, —
Покидая, крестьянин,
Свой плуг, между борозд, лезвиями кверху,
На корню посевы, на лозах гроздья,
И быков, мычащих к тебе с поля, —
Покидая, приказчик, твоих сударынь,
Их перчатки, их юбки, их флаконы,
Их наглые речи, их светские манеры,
Покидая твою столь любезную улыбку, —
И ты, рудокоп, покидая шахты,
Где ты выхаркивал легкие
Черной мокротой, —
И ты, стекольщик, покидая плавильню,
Цепко держащую твои безумные взоры, —
И ты, солдат, покидая казарму,
И глупый двор, где томят тоскою,
И глупую жизнь, где тебя обучают
Покрепче забыть привычное дело,
Покидая улицу веселых притонов,
И пьяный кабак, и проституток, —
Ты идешь сражаться.
Ты идешь сражаться?
Ты бросаешь свой облик, ты нужду бросаешь,
Ты бросаешь инструмент, служащий хозяину,
Ты идешь сражаться?
Уж не против ли этого тебя родившего буржуа,
Что иногда приезжает к тебе в деревню,
Мальчик при ферме, смотрящий за плугом,
И любит давать тебе советы,
Читая своему отвергнутому чаду
Маленькую проповедь о милосердии?
Уж не против ли этого кавалера дамы,
Что платил за твою любезную улыбку
Продавца, служащего за сто франков в месяц,
Покупая заказные платья,
Изготовленные в мансардах?
Уж не против ли этого акционера копей,
Иль против владельца стекольного завода?
Уж не против ли этого фата в визитке,
Пришедшего в свет, чтобы развратничать с мальчиками

В отдельных кабинетах,
И чтобы пьянствовать с твоими девушками,
Выпивая твое вино, виноградарь,
Из твоего стакана, рабочий стекольщик?
Уж не против ли тех, кто в своих казармах
Тебя муштровал, чтоб ты был защитой
Их шкурам и их владеньям,
Против хилой тени восстанья,
Которое в шахтах, или на фабриках,
Или на верфях, поднять могли бы
Твои братья, твои братья, рабочий?
Бедняк, ты идешь сражаться?
Против богатых? Против хозяев?
Против тех, что едят твою долю?
Против тех, что едят твои годы?
Против откормленных, что пожирают
Долю и жизнь твоих малюток?
Против тех, у кого есть авто,
У кого есть лакеи, у кого есть виллы,—
Авто, обдающие твою блузу грязью,
Виллы, на которые ты глядишь сквозь решетку,
Лакеи, глумящиеся над твоей рабочей курткой?
Ты идешь сражаться за твой кусок хлеба?
За твою мысль и за твое сердце?
За твоих ребятишек или за мать их?
Против тех, что тебя обобрали,
Против тех, что тебя осмеяли,
Против тех, что тебя загрязнили
Своим милосердием, своей клеветою?
Бедный дряхлец, бедный согбенец,
Бедный бунтарь, ты идешь сражаться
Против создавших тебе нищую душу,
Сердце отчаявшегося и сердце поверженного?
О, бедняк, рабочий, крестьянин,
Вместе с создавшими тебе нищую душу,
Вместе с богатым, вместе с хозяином,
Вместе с расстреливавшими тебя на стачках,
Чтобы уменьшить твою заработную плату,
За тех, кто построил для тебя вокруг фабрик
Храмы и тюрьмы,—
Кто заставил плакать у опустевшего шкафа
Твоих малюток и жену без хлеба,—
За тех, кто создал тебе нищую душу,
Чтоб ты на них один работал,
И чтоб не смущали их великое сердце
Слезы их родины,—
Чтобы сам ты крепче забыл свою долю.

О, бедняк, крестьянин, рабочий,
Вместе с богатым, вместе с хозяином
Против ограбленных, против раздавленных,
Против таких же, против себя же
Ты идешь сражаться, ты идешь сражаться,
Что-ж—иди!
На конгрессах вы жали друг другу руки,
Товарищи. Общая кровь текла по общему телу.
Лондон, Берлин, Париж, Вена, Москва, Брюссель —
Все собирались там; единый народ рабочих
Там собрался; старый мир, угнетатель и варвар,
Чуя уже над собой нажим ваших сомкнутых рук,
Трепетал, различая, как там, в глубине, поднимаются
Сквозь его неравенство, сквозь его тиранию,
Голоса справедливости и освобождения, —
Вчера.
Созидатели городов,—свободные, гордые души—
Прямые сердца,—вы там были, братья по оружию, стоя
Слитые вместе перед общим врагом —
Вчера.
А сегодня? Сегодня, как и вчера,
Лондон, Берлин, Париж, Вена, Москва, Брюссель, —
Снова вы там; единый народ рабочих
Там. Да, он там, этот народ рабов,
Этот народ хвастунов и клятвопреступных братьев.
Эти руки, что ты пожимал,
Теперь держат крепко винтовку,
Пики и сабли,
Теперь они ставят пушки,
Снарядные ящики и пулеметы, —
Против тебя.
И у тебя, у тебя тоже есть пулеметы,
И ты тоже крепко держишь винтовку,
Против такого-ж, как ты.
Работай, рабочий!
Металлист из Крезо, пред тобой
Такой же металлист из Эссена —
Убей его!
Рудокоп из Сакса, пред тобой
Такой же рудокоп из Ленса —
Убей его!
Докер из Гавра, пред тобой
Такой же докер из Бремена —
Убей же, убей, убейте друг друга, —
Работай, рабочий!
О, взгляни себе на руки.
О, бедняк, рабочий, крестьянин,

Взгляни на свои тяжелые, черные руки,
Взгляни ослабевшими красными глазами
На твоих дочерей, на их бледные щеки,
На твоих сыновей, на их хилые руки,
Взгляни на их помертвевшее сердце,
И на старую жену,—взгляни на лицо ее,
Что уже двадцать лет с тобой рядом,
И на ее жалкое тело, и на увядшую душу,
И еще вот на это пред тобой, —
Взгляни на эту общую яму,
Там отец твой и мать, и там друзья твои —
И теперь, и теперь,
Иди сражаться.

Марсель Мартинэ.

(Перевод с французского А. Эфрос).

VII

Орина, мать солдатская

День-денской моя печальница,
В ночь—ночная богомолица,
Векова моя сухотница...
(Из народной песни).

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви—может и размыкаю.—
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
Жив-ли, нет—не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости:
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: „поправлюсь, матушка!"
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала—не прибавила
Ни словечка, бесталанная,
— Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

— Хилый, что-ли, был с рождения?
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые".

И опять молчит несчастная...
— Не молчи—развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку? —

„Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу—богу обреченную!

Говорить—гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,

Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес заборником;

Перекрыть сарай задумывал,
Не сбылись его желания:
Слег—и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,—пошла я с Ванею:
Попрощался со скотиною,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел—задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!—
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу:
— „Не белы снежки“... закашлялся,
Задышался—пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время—пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел—такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной—носок вытягивал.

Вдруг—метнулся... смотрит жалобно...
Повалился—плачет, кается,
Крикнул „ваше благородие!“
„Ваше!..“ вижу—задыхается:

Я к нему. Утих, послушался—
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет-ли бог спасение?
К утру память воротилася,

Прошептал: „прощай родимая,
Ты опять одна осталася!“
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,—

„И погас он, словно свеченька
Восковая, пред-иконная“...
Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Некрасов.

VII

Великий памятник

(Басня).

Не знаем в точности, в каком уж там году,—
Про это разные доселе ходят толки,—
Но достоверный факт: львы, кабаны и волки
Пустили как-то слух, что жить хотят в ладу.
Не воевать же, дескать, вечно.
Львы довели до сведенья волков,
Что уважают их и любят их сердечно,
А волки стали выть, что нрав де их таков,
Что мирное житье для них всего дороже,
И если-б знали кабаны...
Им кабаны в ответ захрюкали: „Мы тоже
Готовы сделать все, чтоб избежать войны“.
В конечном результате
Таких речей—от львов, волков и кабанов
В торжественном трактате
За подписью ответственных чинов
(Чьих,—мы имен опять не знаем, к сожаленью)
Об‘явлен был всему лесному населенью
И населенью „прочих мест“
Особенный такой наказ иль манифест

„О прекращении звериных войн навеки
И о характере опеки
Над теми, кто“...

Увы, кто в старину влюблен,
Тот нашу грусть поймет: сей акт отменно-важный,—

Не знаем, каменный он был, или бумажный,
И протестантским-ли он знаком был скреплен
Иль католическим, иль знаком православия
Суть в том, что окромя неполного заглавия
(Его нашла одна ученая овца)
К нам больше не дошло ни одного словца:
Великий памятник великой
Древне-звериной старины—
Погиб он в пламени всесветной зверски-дикой
Не прекратившейся до наших дней войны.

Демьян Бедный.

Ноябрь 1921 г.
Во время Вашингтонской конференции по „разоружению".

IX

Разведчики

Нас десять. Вы слышите?—Десять!
А старшему нет двадцати.
Нас могут повесить. Повесить!
Но прежде нас нужно найти.

А это совсем невозможно;
Легки наши ноги, легки.
Пускай головами тревожно
Качают нам вслед старики.

Вы знаете, что мы умеем
Ползти по траве, по росе?
Мы молоды! Значит—мы смеем!
А молоды—видите—все.

Зато ведь какие услуги
Мы часто приносим полку...
Однажды мы видим, в испуге:
Враги переходят реку.

По вашему, может быть, нужно
В них было сейчас же стрелять?..
Да здравствуют Советы!—дружно
Мы крикнули, и... удирать.

Бранил нас комвзвода ужасно,
Что это, мол, глупо весьма.
Но все-таки это прекрасно:
„Да здравствуют Советы!..“ А?

Мы верим, мы верим в победы
И с песней идем на устах.
Ведь матери, сестры и деды
Остались в родных деревнях.

Нас десять. Вы слышите?—Десять!
А старшему нет двадцати.
Не смейтесь: нас могут повесить.
Но прежде нас нужно найти.

Я знаю все и готов.
Хлеб, два куска
Сахарного леденца,
А вечером сверх пайка
Шесть золотников свинца.

(Красная рота, № 10).

X

„Революция“

(поэтохроника).

Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.

Нам
Поселянам Земли
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам
по конторам
по шахтам братья.
Мы все
на земле
воины одной
жизнь созидающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух нам.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда
никогда!
никому
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать
воздух наш раздирать остриями отточенных копий.

Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
на всех мало?!
или небо над нами мало голубое?!

Последние пушки грохочут в кровавых спорах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.

Не трусость вопит под шинелью серою,
не крики тех, кому есть нечего;
это народа огромного громовое:
— Верую
величию сердца человечьего! —

Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!

(В. Маяковский „13 лет работы“).

XI

Стоход

В 1916 г. в течение 4-х дней на реке
Стоход погибла целая дивизия.
(Из рассказов старого солдата).

По лесам и болотам змеится Стоход,
Синеватые струи, сверкая, бегут...
Напоил тебя кровью шестнадцатый год,
И на дне твоем белые кости гниют.

* * *

В камышах твоих, тихий, заросший Стоход.
И поныне убитые братья лежат.
И грызут их безжалостно черви болот,
Камыши погребально над ними шуршат.

* * *

За царя и за веру обманутый люд
Распластался на дне холодеющих вод.
Как нещаден был бой, как безумен и лют
В камышах твоих, старый, проклятый Стоход!

* * *

Не во имя земных и небесных царей
Обагрил тебя кровью двадцатый наш год,
А во имя великого счастья людей
Мы кровавили гладь твою, старый Стоход!

Красноармеец *М. Красильников.*

XII

Коммунист

Девятнадцать солдат—девятнадцать бойцов
Совсем не знают друг друга,
Сбежались в лес из разных концов,
Их след заметала вьюга.

Девятнадцать солдат из разных полков
Из разных рот и взводов.
Теснее сжималось кольцо врагов—
Девятнадцать солдат из разных полков
Напрасно искали прохода.

Винтовок пять, один пулемет
И лента почти пустая,
Вьюга кружит, и как будто ждет
Гостей постель снеговая.

И сбились в круг девятнадцать солдат
И греют друг друга телами;
И нет пути ни вперед, ни назад,
И встреча страшна с врагами.

И сидели так они целый день,
В дремучем лесу солдаты,
И к вечеру к ним худой, как тень,
Шатаясь, пришел двадцатый.

Никто не видал его никогда,
И кто он, бойцы не знали,
Но все равно, алела звезда,
И брата в пришедшем узнали.

Двадцатый сказал: я знаю путь —
Направо тропа чрез болото.
Пройдем, но надо, чтоб кто-нибудь
Врага задержал пулеметом.

Пройдем! И радость стучит в сердца.
Пройдем! И будем свободны!
И руку двадцатого жмут бойца
Девятнадцать в лесу холодном.

Но кто останется? Кому
За пнем в снегу лежать охота
И пули посылать во тьму,
И ждать врага у пулемета?

Так каждый думал и молчал,
И сбились в круг тесней солдаты,
— Что-ж, бросим жребий,— им сказал
Усталым голосом двадцатый.

— Чтож, бросим жребий! Никому
Проститься с жизнью неохота.
Двадцатый посмотрел во тьму
И молча лег у пулемета.

Болотной тропой девятнадцать шли,
Как тот им сказал — направо,
В сугробах вязли и вот нашли
Свою боевую заставу.

И когда отдохнули немного, спросил
Тревожным голосом кто-то:
— Братва, да кто же двадцатый был,
Оставшийся у пулемета?

И никто из них про это не знал,
И хмуро молчали солдаты,
И только один угрюмо сказал:
— Он был коммунист, ребята!

Андрей Иркутов.

(„О двадцатом").

XIII

Последняя война

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И все, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века,
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен порабощенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Все то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,—
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы,—
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

В. Брюсов.

1914.

XIV

Рабочий гимн

(перевод с итальянского).

Встаньте, братья, встаньте сестры.
В строй борцы с стальным закалом.
Уж горит на стяге алом
Солнца будущего свет.
В кабале и униженьи.
Мы клялись бороться смело,
Средь борцов за наше дело
Для измены места нет.
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам. Никогда.
Никогда.
Шахты, фабрики, заводы
Гнули нас, ломали спину.
Нас, как вьючную скотину,
В плуг впрягали господа.
Те, по чьей мы воле гибли,

Оставляли нас без хлеба
И сулили... милость неба
После страшного суда.
    Для того ль из злой неволи.
    Вырван Труд детьми Труда,
    Чтобы цепи рабской доли
    Вновь надеть нам. Никогда.
        Никогда.
Гнет проклятый—Капитал
Обрекал нас всех на муки,
Принуждая наши руки
Поднимать чужую новь.
    Пусть же плуг и молот вольный
Средь людей вражду погасят.
Пусть же нашу жизнь украсят—
Справедливость и любовь.
    Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам. Никогда.
        Никогда.
Наша сила—в единеньи.
В одиночку каждый—парий.
Сердце мира-пролетарий.
Мы—вселенной рычаги.
    Все, что есть—созданье наше.
Мы разрушим мы построим.
Так вперед же бодрым строем,
Пусть погибнут все враги.
    Для того ль из злой неволи
    Вырван Труд детьми Труда,
    Чтобы цепи рабской доли
    Вновь надеть нам. Никогда,
        Никогда.
Нам враги—не иностранцы:
Богачам нужны границы,
Мы ж, свободные, как птицы,
Перестроим шар земной:
    Смерть об'явим царству смерти.
Смерть господской камарилье.
Меч насилья—на насилье.
Лозунг наш—война с войной.
    Для того ль из злой неволи
    Вырван Труд детьми Труда,
    Чтобы цепи рабской доли
    Вновь надеть нам. Никогда.
        Никогда.

Проклят, тот кто пир справляет,
Если есть в минуты эти
Хоть один бедняк на свете,
Потерявший хлеб и кров,
Проклят смех, пока осталась
Хоть одна слезинка в мире.
Трижды проклят, кто о мире
Речь ведет в тисках врагов.
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли,
Вновь надеть нам. Никогда.
Никогда.

Сестры наши и подруги
По работе и по ранам,
Вы, отдавшие тиранам
Красоту и кровь свою,
Не ласкайте подлых трусов,
Подхалимов барской шайки.
Рать без крепкой братской спайки
Дрогнет в первом же бою
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам. Никогда.
Никогда.

Коль не ложь, не злая шутка—
Вера в равенство и братство,—
Если бунт—не святотатство,
Не безумие борьба,
Укрепляйте, братья, сестры,
Власть Труда над Капиталом.
Уступить врагу хоть в малом—
Трусость жалкого раба.
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли.
Вновь надеть нам? Никогда,
Никогда!

ОТРЫВКИ ПРОЗЫ.

Для чтения вслух, инсценировок и т. д.

9-е ноября.

Генерал завтракал в ресторане Штифтера каждый день. Руфь в это время была занята в своей народной столовой, а сидеть одному дома в пустой столовой... нет. Днем она была еще неуютней, чем вечером... и мертвенно тихо... В ресторане по крайней мере было людно и шумно, как раз настолько, как это бывает за столом в порядочном доме, где есть детская,—успокаивающий, благодатный шум. Серебро звенело... Здесь, в этой нише, за остролистником, генерал почувствовал себя скрытым от людской назойливости. Только иногда проникал чей-нибудь любопытный взгляд сквозь зеленые листья, чтобы затем тотчас почтительно скрыться.

Ресторан Штифтера не был обычным рестораном, это был храм еды. Цветные церковные окна, полусвет и толстые ковры... Процесс еды принимал здесь форму религиозного культа. Кельнера шептали торжественно, как священники на исповеди... Между заведением и его посетителями словно состоялось молчаливое соглашение: заведение обязывалось кормить своих гостей сытно и здорово во все время войны, за что гости, в свою очередь, обещали молчать и платить. Здесь бывали почти исключительно одни и те же лица. По большей части важные сановники, чтобы набраться новой энергии для изнуряющей работы, и богатые помещики, приезжавшие из своих имений в Берлин и знавшие кухню ресторана. Иногда случайно попадал сюда и подозрительный элемент: но тотчас же появляется метрдотель... к сожалению, все занято, господа.

Словно орган, гудел низкий бас метрдотеля, ближе, чем кто осмелился бы сделать какой-либо смертный, склонялся он к красному уху генерала.

— Бульон с мозгами или клецки, ваше превосходительство?

— Клецки! Прекрасно.

— Куриные котлетки, ваше превосходительство? Сегодня постный день, но, конечно, только для наших постоянных гостей,—шатобриан. Получено случайно немного икры, разрешите подать порцию, не справляясь с ценой.

Генерал одел золотое пенснэ и посмотрел на человека во фраке.

— Вы говорите?

— Да, через Финляндию. Русский мир уже приносит пользу. Вы видели флаг на русском посольстве, ваше превосходительство? Нет? Сегодня первый раз вывесили. Пудинг или камамбер?

— Камамбер.

— Слушаю, ваше превосходительство. Вино я уже приготовил. Слушаю.

Генерал обязательно выпивал за завтраком полбутылки шампанского. А иногда он чуть прикасался к нему губами: все зависело от его самочувствия.

Ливерные клецки, таявшие на языке, паштет из дичи, начиненный шампиньонами и пряными кореньями, шатобриан по-английски, икра,—целое событие, можно сказать, после стольких лет. Отдыхали нервы. Несчастная история с Отто, служебные затруднения,—все исчезло... ничего не оставалось, совсем ничего. Он погрузился в восхитительное ощущение, как будто он витает в великом „ничто". Только его визави нарушали полноту гармонии... Не переменить ли место?

Напротив сидели два ротмистра. Коротко остриженные круглые головы в наростах, здоровые лица, розовые жирные затылки,—то были типичные „тыловые свиньи", не слыхавшие даже свиста пуль. Ничего генерал не ненавидел так, как все, что называлось тылом. К тому же на груди они носили ленточки от орденов в аршин длиною. Они не стеснялись надевать полумесяц, хотя никогда не видели Турции. Этого ордена не было даже у генерала. Они постоянно шушукались, постоянно хихикали, постоянно наполняли стаканы, и золотые браслеты блестели на их волосатых руках. Они выказывали уважение к генералу, но в меру, как люди одного круга. Генерал презирал их до глубины души. Метрдотель уже стоял перед ним с горящей свечой. „Пожалуйте сигару, ваше превосходительство". Слава богу, оба молодца отправились. Генерал с удовольствием откинулся в кресле.

— Да, а как же конный состав?—спросил его какой-то скептический голос. День и ночь генерал был погружен в проблемы войны. Вынесут ли лошади новое наступление?

— Лошади отдохнули, хорошо откормлены и выхолены,—отвечал второй уверенный голос.

Снова покой, снова божественное погружение в ничто. Генерал исчез в дыму гаванны.

— Как? Как?—воскликнул генерал, едва шагнув за порог ресторана.

— Как?

— Да разве это возможно?

— Люди, видно, прямо сошли с ума.

Действительно, он отчетливо почувствовал, как почва колебалась под его ногами.

— Да разве возможно что-либо подобное? В Берлине на Унтерденлинден?

Краска залила лицо.

На противоположной стороне, высоко на крыше весело развевался в посвежевшем воздухе, как нечто само собою разумеющееся,—кроваво-красный, кроваво-сверкающий флаг.

Он привлекал к себе взоры решительно всех. Представьте себе: красный флаг в городе, где даже красный галстук являлся вызовом, грозившим опасностью жизни, где красному цвету просто запрещено было появляться самостоятельно. Где шашка полицейского автоматически изрубила бы каждого, кто осмелился вынуть красный платок, чтобы вытереть нос. А здесь, как самая естественная вещь на свете,—красный флаг, сияющий, красный штандарт, водруженный на настоящем шесту на крыше!.. Прохожие вытягивали шеи, застывали на месте, не верили глазам... моргали...

Далеко виднелся красный флаг и возвещал победу русского народа над самодержцем виселиц, семихвосткой и свинцовыми рудниками,—над бесконечным морем берлинских домов сияло, развевалось красное знамя...

Что они там, напротив, совершенно сошли с ума?

Он подразумевал Вильгельмштрассе. Мрачное раздумье овладело генералом, пока его автомобиль мчался стремглав по улице.

Это знамя пропитано кровью коронованных голов и высоких сановников...

Бессовестные!..

По временам ему казалось, что он слышит хрустение... треск...

(Келлерман „9-е ноября“).

Путь к победе.

Чем сильна Красная Армия?

...В стенку вагона застучали, как град, пули, и, прежде чем я опомнился, чья-то рука за шиворот оттащила меня от окна.

— На пол,—крикнул мне хриплый голос грузина,—товарищи, у кого есть оружие,—к дверям.

Оружие револьвер—оказалось только у него одного. Он выхватил его из-за пояса и бросился к дверям.

Музыканты сбились на полу в обезумевшую кучку. Один залез под скамейку. Барышня машинистка, в одной рубашке, стояла у стены, белая как полотно, зажавши уши руками. Она не кричала, только беспрерывно шептала что-то. Почти бессозна-

тельно водя глазами по вагону, я встретился еще с одной парой глаз, спокойных до жуткости. Это был худенький человек в синем. Он сидел в углу вагона, где лежали его портфель и подушка, и занимался необычайным делом: он натягивал сапоги. Заметив, что я смотрю на него, он сказал совершенно просто:

— Казак был прав, а мы безрассудны. На нас наехал раз'езд белых. Постарайтесь спастись, если уцелеете в первую минуту, скажите, что вы, музыканты и барышня, были насильно мобилизованы.

В эту минуту грузин, отстреливавшийся в дверях, упал. Барышня закричала отчаянно, истерически, каким-то чужим голосом:

— Спасите... Спасите... Не трогайте...

В дверь раздался залп, мы услышали крики:

— Сдавайся!

Мы крикнули в ответ:

— Сдаемся... Среди нас женщина.

— Комиссара,—продолжали реветь снаружи—выходи поодиночке, руки вверх, комиссара вперед.

Тогда худенький человек взял в одну руку портфель, в другую фуражку, пошел, как ни в чем не бывало, к двери, и я услышал отчетливый голос, упругий, как мячик, ясный, пронзительно спокойный.

— Я комиссар.

... На секунду воцарилась тишина. Худенький человек стоял. Солнце начинало заниматься и лизнуло крышку вагона, бросив розовый отсвет на лицо человека с портфелем. Вдруг сразу, как со дна пропасти, завизжало, заорало, захрипело десятками нутряных голосов:

— Сука.

— Жид.

— На кол его. Ребята, бей в морду.

— К стенке. На кол.

В ту же секунду мохнатая лава людей серым комком облепила комиссара, сорвала его с порога и увлекла вниз... Я услышал команду:

— Назад! Не добивать прежде времени. Допросить—и на кол.

...Началось допрашивание комиссара. Впрочем, нельзя было назвать издевательство допрашиванием. С лица его лилась кровь. Верхние зубы во рту были выбиты. Отвечая, он плевал кровью. На вопросы офицера он отвечал ясно, коротко, почти весело. Близорукие глаза смотрели необычайным взором. Видно было, что по близорукости он не различает ни лиц, ни направления чужих взглядов. Он смотрел прямо перед собой на какую-то умственную, одному ему видную точку.

— Пытать,—кричали солдаты, чего с ними канителиться.

Худенький человек выпрямился, поднял руки, как оратор, и воскликнул звенящим голосом:

— Товарищи, близок час, когда вы поймете, что вы делаете. Разве не ради вас, не ради жен и детей ваших борется Красная армия. Подумайте, за кого вы стоите, где обещанная вам земля?

— Молчать, собака,—крикнул офицер:—сажайте его на кол!

Знаете ли вы, что такое кол. Это деревянный обрубок, самый настоящий кол. Его казаки и добровольцы утыкали мелкими гвоздями, погнув острие книзу, чтобы не мешало входить. Вот такую дубину вгоняют человеку в задний проход.

...Я видел, как его посадили на кол, вогнав с силой так, что хряснули раздираемые внутренности. И человек корчился, пригвожденный, а с востока взошло большое, белое, горячее солнце, зачирикали птицы, занялась вся степь и ослепительно засиял наверху наш вагон всеми своими лозунгами и плакатами. Он стоял к нам как раз тем концом, где веселый рабочий размахивал огненным молотом, зовя к сияющей пятиконечной звезде.

Корчившийся на колу увидел эту звезду, он протянул к вагону руки... И вдруг сильным, нечеловеческим голосом успел сказать:

— Товарищи, да здравствует Рабоче-Крестьянская Республика!

(Из рассказа Мариэтты Шагинян, «Вагон»).

Чем побеждала Красная Армия?

...Керосиновые лампы пылали в полночь. Наверху, на штабном телеграфе, несмолкаемо стучали аппараты; бесконечно ползли ленты, крича короткие тревожные слова. На много верст кругом—в ноябрьской ночи—армия, занесенная для удара ста тысячами тел, армия сторожила, шла в ветры по мерзлым большакам, валялась по избам, жгла костры в перелесках, скакала в степные курганы. За курганами гудело море. За курганами, горбясь черной скалой, лег перешеек в море—в синие блаженные островные туманы. И армия лежала за курганами, перед черной горбатой скалой, сторожа ее зоркими ползучими постами.

Лампы пылающие в полночь, безумеющая бессонница штабов, Республика, кричащая в аппараты, гул стотысячных орд в степи; это развернутый, но не обрушенный еще удар по скале, по последним армиям противника, сброшенного с материка на полуостров.

В штабе армии, где сходились нити стотысячного, за керосиновыми лампами работали ночами, готовя удар. Стотысячное двигалось там отраженной тенью по веерообразным маршрутам—на стенах, закругляя щупальцы в хищный смертельный сдав. Молодые люди в галифе ползали животами по стенам—по картам, похожим на гигантские цветники, отмечая тайные движе-

ния, что за курганами, скалами, перешейками: они знали все. В абстрактной выпуклости линий, цветов и значков было:

громадный ромб полуострова в горизонталях синего, южного моря. Ромб связан с материком узким двадцатипяти-верстным в длину перешейком;

в ста верстах западнее перешейка еще одна тонкая нить суши от ромба к метерику, прерванная проливом по средине;

на материке перед перейшеком цветная толпа красных флажков: 6 армия и красные флажки против тонкой прерванной нити— соседняя Заволжская армия; и против той и другой—с полуострова—цветники голубых флажков: белые армии Даира [1].

Путь красным армиям преграждался: на перешейке Даирской скалой, пересекавшей всю его восьмиверстную ширину, от залива до залива, с сетью проволочных заграждений, пулеметных гнезд и бетонных позиций тяжелых батарей, воздвигнутых французскими инженерами—это делало недоступной обрывающуюся— на север, к красным—террасу; перед Заволжской армией—проливом; пролив был усилен орудиями противоположного берега и баррикадирован кошмарной громадой взорванного железнодорожного моста. За укреплениями были последние. Страна требовала уничтожить последних.

Керосиновые лампы пылали за полночь. В половине второго зазвонили телефоны. Звонили из аппаратной: фронт давал боевую директиву. Галифе торопливо слезали со стен, бежали докладывать начальнику штаба и командарму. У аппаратов, ожидая, стояла страна...

...В селе Таганка штабы двух дивизий: Железной, численностью и обилием вооружения равняющейся почти армии; неделю назад дивизия, выполняя директиву командарма Н., разбила белый корпус и захватила восемь танков; и Пензенской—эта дивизия, окрававленная и полууничтоженная, зарывшись в землю, принимала на себя удары врага, пока Железная сложным обходом выполняла маневр.

В школьной избе, в штадиве Железной, в присутствии начальников дивизии и штабов, командарм излагал план операции.

Противник имел численно меньшую армию, но эта армия была сильна испытанным офицерским составом и мощью усовершенствованной военной техники. У красных были множества; множествами надлежало раздавить и мстительное упорство последних, и хитрость культур.

Армия противника стояла за неприступными укреплениями террасы, пересекающей все пути на полуостров. Надо было преодолеть террасу. Бросить массы за террасу уже значило победить.

---

[1] Так автор называет Крым. *Ред.*

Армия, атакующая в ярости террасу—под ураганным огнем артиллерии и пулеметов противника—обратилась бы в груду тел. Исход был или в длительной инженерной атаке, или в молниеносном маневре. Но страна требовала уничтожить последних сейчас. Оставался маневр.

Дули северо-западные ветры. По донесениям агентуры, ветры угнали в море воду из залива, обнажив ложе на много верст. Ринуть множества в обход террасы—по осушенным глубинам—прямо на восточный низменный берег перешейка—проволочить туда же артиллерию—обрушиться паникой, огнем, ста тысячами топчущих ног на тылы хитрых, запрятавшихся в железо и камни.

— Надо спешить, пока ветер не переменился и вода не залила пространств,—сказал командарм,—общее наступление назначаю в ночь на седьмое ноября. Остальные части армии одновременно атакуют террасу с фронта. Если так—мы прорвем преграду с малой кровью.

Собрание молча обдумывало. Начдив Пензенской, тощий, впалогрудый, похожий на захолустного дьякона, заволновался и замигал.

— План верный, товарищ командующий, что и говорить, а мои ребята хоть и через воду—все равно перепрут. Только я, ведь, докладывал: разуты, раздетые все, как один. Железная после операции вся оделась—они, изволите видеть, первые склады захватили. А за что мои страдали? Как?

— Относительно обмундирования мне известно,—сказал командарм,—но нет нарядов из центра. И вообще... у Республики едва ли есть. За террасой все оденутся.

Он встал каменный, чужой мирным сумеркам избы.

— Оперативных поправок нет?

Очевидно не было: все молчали. План был принят—он висел над глухой сосредоточенностью полей. В них снилась невозможная горящая ночь...

...Всю ночь молчали аппараты.

И с рассвета тусклые облака пошли от моря на страну. В пространства ползли полчища облаков—неслышно, могуче, бездонно. На рассвете тревожные звонили в кабинет к командарму:—дуют ветры южных румбов, восемь баллов...—из бессонного кабинета верные и четкие шаги отзвучали в сумерках коридоров к аппаратам. Свинцовый рассвет глядел в окна: рассвет-ли, день-ли, годы-ли? И опять.

— С частями за заливом связи нет. Слышна канонада на побережьи...

Перед террассой с севера лежали полки: ждали. Вот-вот должно было: вспыхнуть зовами, заревами в далеком—за террасой, загудеть из моря в недра смятенных, неверящих еще; и тогда, с севера, ощетиненным потоком взреветь на террасу—в крик, в крошево, в навстречу. Но в облаках, тяжких, лизав-

ших угрюмые, лютые массивы, уже шел рассвет; за массивами нетревожимые—караулили тысячи хитрых, настороженных и далекие молчали... На рассвете, не дождавшись, потоком раз'яренных, опасливо пригибающихся к земле, хлестнуло на террасу— и разбилось о камни: отхлынув, легло человечьими грудами во рвах, в мглистых плоскостях плацдарма...

С моря дул ветер.

И с моря бежало ручейками, серо-грязными озерами, бежало хлябями тусклых высот; затопляло дно залива, взрыхленное ступнями тысяч. В слякотях, в озерах, глубиневших каждую минуту, хлюпали резервы, в догонку ушедшим. Свинцовым поясом стояли воды у берегов, в водах тонули дороги. Не было дорог.

И опять:

— Немедленно, по приказанию командарма...

— Все меры исчерпаны. Связи нет...

На рассвете грозой пробило из-за моря. Это они прижатые к берегу множества—прижаты к морю— в туманы били грозой. В море шли резервы, изнемогая, по колена в воде, с материка выгоняли деревни в воду — мостить плотины — задержать море. Деревни хлюпали базарами в воде, путались ленивыми, вязнущими телегами, плотины росли — осклизлые, зыбкие, седые — и таяли тотчас: ветер и воды пожирали их.

Командарм стоял у аппаратов—серый, как тень, от железной бессонной ночи, может быть, единственной в жизни и в истории. Аппараты молчали... и вдруг—из дальнего, прорвавшихся ослепительных снов—крикнуло грозой:

— Есть. В 12 часов без выстрела форсирована терраса. Противник бежал, угрожаемый красными дивизиями с тыла. Соединившиеся части атакуют первую линию Эньшунских укреплений.

Армия была за террасой, рубеж был перейден. Полки лежали на солончаковом плато перешейка—перед последней тройной линией заграждений, опутавших узкие дефиле озер. Сквозь шестидесятиверстную даль—через шипы железных проволок— через гарь боя—и командарм видел уже счастливую синь долин.

Армейские автомобили мчали к террасе. Конно-партизанским дивизиям, еще замешкавшимся у залива, было приказано: стянуться на перешеек через террасу. Но через террасу был переход в двенадцать верст; а с перешейка уже дышало гулом, дрожанием недр: там начиналось... И, хрипя от нетерпения и злобы, конные свалились под берег, ордой забурлили—в воды, в кипящую муть...

...Перед сумерками авангард ворвался в Даир. По площадям копыта отзвонили пустынно и гулко. Авангард подскакал к углу трех улиц, где над каменной рябью мостовых свисали со стен небоскреба алые флаги непоколебимо, как металл: Ревком. Под балконом, потрясая пиками, авангард прокричал свой дикий

и радостный вызов. И с высоты из-за решетки, ликуя, наклонялись маленькие, безумно юркие, в пиджаках и без шапок, махали руками и кричали в приливающие ощетиненные низины:

— ...приветствуем...

— ...пусть услышат угнетенные массы мира...

— ...да здравствует!..

И далей, перспектив, как прибой, мчались конные, рассыпая в улицах крик телег и дробь копыт. С низов махали шапками, из опрокинутых лиц тысячи горящих глаз глядели ввысь—на ниспадание алого, на гаснущие алебастровые химеры небоскребов, на каменные арки культур—там оркестры веяли волнами слав—из раскрытых пересохших глоток, из спертых зыком грудей выло:

— ...а-а-а-а!..

С окраин, с доков, из трущоб бедноты шли вставшие из земли, давя улицы множеством, зыбля алые лохмотья над зыбким океаном тысячеголовья, и от них, еще невидимых, из сумеречных недр стонало—

— ... а-а-а-а!..

В порту глыбами и насыпями громоздилось изобилие вспоротых пакгаузов и складов—тюки, ящики, остовы машин, брошенные задыхающимися на бегу. Цепи конных оцепили берега и порт, сторожили покуривая, глядя в невиданную тысячелетнюю даль: зыбь шла туда зеленоватым свечением, словно из-за горизонтов заря.

Улицы вспыхнули от синих, бесконечно убегающих огней. В светы изумленные, смеющиеся глаза тысяч глядели, как в утро. Из этажей, из стеклянных под'ездов выходили нерешительные, спускались на асфальт, кривясь ласковой и боязливой улыбкой, помахивали тросточками:—и мы рады, и мы тут!.. выходили, осмелев женщины напудренные, со сладкой горячкой глаз; шепчась, улыбались обветренным и хищно скалящимся галифе. Мутным, радужно-болотным оком вчерашнее глядело, догасая...

В особняке черного переулка, оцепленного конными, угрюмыми и молчаливыми, осудили последних, захваченных у взорванного туннеля в горах. Пожаром факелов осветился колодец двора; молча и торопливо расставили их у каменной стены, бледных, с глазами, как застывшие свечи. За безлюдьем переулка ширился гул и крик, вещающий о рассветах; резко и жутко прогрохотал грузовик в мраке у ворот. Никем не слышимая, глухим мгновенным криком проползла смерть...

А ночью пришли полки. Массы расступились под железным упором рядов. На правом фланге впереди шел рослый, с обветренным красным лицом, в новой английской шинели с ногами, красными, как кровь; глаза, не мигая, упоенно глядели перед собой в крики толпы, в пенье труб, в светы культур. Из глоток мощным выдыхом ревело:

Не надо нам монархии,
Не надо нам царя,
Бей буржуазию,
Товарищи, ура!

Мчавшийся из степей, автомобиль, замедленный полками, стал на перекрестке. На шествии бесконечных, на сиянии пространств—недвижим был в остром шишаке профиль каменного, думающего о суровом. Полураскрытый рот хотел крикнуть призывно и властно.

Армия, командарм вступали в Даир.

(Из повести Ал. Малышкина «Падение Даира»).

Дама в зеленом.

Я не могу об'яснить вам, почему я любил Рабо. Каждое утро, бегая взад и вперед по палате для выполнения служебных обязанностей, я замечал Рабо, вернее, голову Рабо, или еще точнее: глаза Рабо, спрятанного в беспорядке простынь. Он несколько походил на морскую свинку, укрывшуюся под соломой и с тревогой следящую за вашими движениями.

Проходя мимо Рабо, я всякий раз подавал ему дружеский знак: я резко закрывал левый глаз и сжимал губы. Глаз Рабо тотчас же закрывался в свою очередь, и на его увядшем больном лице появлялись борозды тысяч мелких морщин. Это было все: мы обменялись нашими приветствиями и нашими признаниями.

Рабо никогда не смеялся. Он вырос в воспитательном доме, и легко было догадаться, что в детстве ему не удалось вдоволь напитаться молоком кормилицы: потом, ведь, не удастся наверстать потерянного!

Рабо был рыжеват, с бледным лицом, испещренным оспой. У него было так мало ума, что он одновременно походил и на кролика и на птицу. Обратится только к нему кто-нибудь, как нижняя губа его начинала трястись, а подбородок с'еживался, точно орех. Нужно было прежде всего об'яснить ему, что его вовсе не собираются бить.

Бедный Рабо! Много бы я дал, чтобы увидать, как он смеется. Все, напротив, складывалось так, чтобы заставить его плакать: тяжелые, бесконечные перевязки, возобновлявшиеся каждый день, в течение месяцев; необходимость лежать неподвижно, мешавшая ему играть с товарищами. Но, кроме того, Рабо ни во что не умел играть и почти ничем не интересовался.

Кажется, только я один стал к нему несколько ближе: как я уже сказал, заключалось это, главным образом, в том, что, проходя мимо его кровати, я закрывал левый глаз.

Рабо не курил. Когда раздавали папиросы, Рабо брал свою часть и на короткое мгновение играл ими, двигая большими, худыми пальцами, изуродованными за долгое лежанье. Пальцы больного труженика — некрасивое зрелище: едва они теряют свои твердые ногти и крепкий вид—они уже ни на что не похожи.

Я думаю, Рабо очень хотелось бы предложить эти хорошие папиросы своим соседям: но говорить—так трудно, особенно, когда даешь что-нибудь кому-нибудь. И папиросы покрывались пылью на полке, а Рабо продолжал лежать на спине, тонкий и прямой, точно маленькая соломинка, унесенная потоком войны, и ничего не понимающая во всем, что происходит.

Однажды штабной офицер вошел в палату и направился прямо к Рабо.

— Это он и есть? сказал он.—Прекрасно! Я принес ему медаль и крест за храбрость.

Он дал Рабо подписать маленькую бумажку и оставил его наедине с его игрушками. Рабо не смеялся: он положил коробку перед собою, на простыню, и глядел на нее с девяти часов утра до трех часов пополудни.

В три часа офицер вернулся и сказал:

— Я ошибся, произошло недоразумение. Эти знаки отличия не для Рабо, а для Рабу.

Он взял футляр, разорвал расписку и ушел. Рабо плакал с трех часов пополудни до девяти часов, когда он уснул. На другой день он начал плакать с утра. Господин Госсен—очень добрый начальник. Он отправился в штаб и вернулся с медалью и крестом, как две капли воды схожих с прежними: он даже дал Рабо подписать новую бумажку.

Рабо перестал плакать. Но на его лице осталась тень, тень недоверия, точно он опасался, что когда-нибудь у него опять отнимут его игрушки.

Прошло несколько недель. Я часто всматривался в лицо Рабо и пытался представить себе, как бы он изменился, если бы стал смеяться. Но мечты мои были тщетны: было ясно, что Рабо не умел смеяться и что лицо его не было создано для смеха.

И тогда-то и явилась дама в зеленом. В одно прекрасное утро она вошла в одну из дверей, как все люди. Но она не походила на всех: она была, точно ангел, точно королева, точно кукла. Она не была одета, как сестры милосердия, работавшие в палатах, или как матери и жены, что приходят навещать своих раненых детей и мужей. Она даже не походила на дам, которых встречаешь на улице. Она была гораздо красивее, гораздо величественнее. Она скорее напоминала тех фей, те чудесные образы, кото-

рые видишь на больших раскрашенных календарях и под которыми художники пишут: „Задумчивость“ или „Меланхолия“ или еще „Поэзия“.

Ее сопровождали красивые, изящно одетые офицеры, выказывавшие особое внимание к каждому ее слову и рассыпавшиеся в знаках самого восторженного поклонения.

— Сударыня, пожалуйста, войдите—сказал один из них—ведь вам угодно взглянуть на раненых!..

Она сделала два шага вперед, внезапно остановилась и произнесла грудным голосом:

— Бедные люди!

Вся палата насторожила уши и раскрыла глаза. Мери положил на стол свою трубку. Тариссак переменил костыли, что было у него признаком волнения; Доменж и Бюрнье перестали играть в карты и прижали колоду к животу, чтоб ее случайно не заметили. Пупо не пошевельнулся, ибо он был парализован, но отлично видно было, что он слушает изо всех сил.

Дама в зеленом направилась прежде всего к Сорри, негру.

— Тебя зовут Сорри? спросила она, посмотрев на табличку.

Чернокожий кивнул головой, и дама в зеленом продолжала нежно и мелодично, словно дамы, играющие в театре:

— Ты пришел сражаться во Францию, Сорри, и ты покинул твою прекрасную родину, этот свежий и душистый оазис в океане пламенеющего песка! О, Сорри. Как они прекрасны, африканские вечера в тот час, когда молодая женщина идет вдоль пальмовой аллеи, неся на голове, подобно темной статуе, пахучую амфору с медом или кокосовым молоком...

Среди офицеров раздался шопот восхищения, а Сорри, который понимает по-французски, пробормотал, кивая:

— Кокос... кокос...

Но дама в зеленом уже скользила дальше по каменным плитам. Она дошла до Рабо и тихонько застыла у его кровати, точно ласточка на телеграфных проводах.

— Рабо—сказала она—ты храбрец!

Рабо ничего не ответил; но, по своему обыкновению, отвел глаза в сторону, точно ребенок, боящийся получить шлепок.

— О, Рабо, сказала дама в зеленом!—Как мы должны благодарить всех вас, оберегающих неприкосновенность нашей сладостной Франции. Но ты, Рабо, ты познал уже высшую благодарность: славу! Героический пыл сражений! Восхитительное чувство, когда ты бросаешься вперед со штыком, сверкающим на солнце; сладострастие, с которым ты вонзаешь железо—мстителя в окровавленную грудь врага! А затем, страдание—божественное, ибо ты испытываешь его ради всех; святая рана, делающая из героя—бога!

О, какие прекрасные воспоминания, Рабо!

Дама в зеленом замолчала, и религиозная тишина воцарилась в палате.

И тогда-то произошло нечто совершенно неожиданное: Рабо перестал походить на самого себя. Все черты его лица с'ежились, изменились почти трагическим образом. Из его худой груди вырвались прерывистые хриплые звуки—и всем стало ясно, что Рабо смеется.

Он смеялся свыше трех четвертей часа. Дамы в зеленом уже давно не было, а Рабо все еще смеялся, приступами, точно кашляя, точно задыхаясь.

С тех пор в жизни Рабо произошла какая-то перемена. Когда он собирался плакать или сильно страдал, с ним можно было сладить и вызвать его смех, во время сказав ему:

— Рабо! Мы сейчас приведем даму в зеленом.

Жорж Дюгамель.

„Клерамбо".

Час, казалось, был недалек. За год до окончания войны, в течение нескольких месяцев, нескольких недель казалось, что вот-вот лопнет бесконечное терпение в обоих станах истязуемых народов, и раздастся великий клич: „Довольно!" В первый раз почудился им кровавый обман. Как не понять негодования людей из народа, когда на их глазах шла безумная игра миллиардами, тогда как раньше власти торговались из-за сотни тысяч франков на социальные нужды! Иные цифры приводили их в отчаяние больше, чем всякие речи. Было подсчитано, что на войне убийство одного человека обходилось в 75.000 франков! И на сумму, в которую обходится убийство десяти миллионов человек, можно бы сделать десять миллионов зажиточных людей! Самым ограниченным открылась безмерность земных богатств и чудовищное обращение с ними: бесстыдная расточительность из-за призрака какой-то цели; а самое отвратительное—эти кишащие по всем концам Европы вши, раздобревшие от мертвечины, эти хищники войны, грабители трупов...

„Ах,—думали все эти молодые люди,—и пусть нам не болтают о борьбе демократий с автократиями! Все эти „кратии" прикрывают одну и ту же грязь. Всюду война одинаково обрекла мести народов их правящие классы, их недостойную финансовую, политическую и интеллигентную буржуазию, которая в одно столетие своего всемогущества нагромоздила больше лихоимства, преступлений, разорений и безумий, чем накопили их за десять столетий бичевавшие нас короли и церкви".

И зато, когда вдали, в лесу зазвучали топоры героев-дровосеков Ленина и Троцкого,—не мало угнетенных сердец задро-

жало надеждой. В каждой стране не один человек заготовил свой топор.

Котел кипел. Чтобы остановить его, европейские правительства герметически заткнули его и уселись сверху. Глупая правящая буржуазия, поддерживая огонь, удивлялась мрачным раскатам. Она об'ясняла возмущение стихий дурным влиянием нескольких свободомыслящих ораторов, таинственными интригами, неприятельским золотом, пацифистами. И совсем не видела того, что мог видеть каждый ребенок—что, если желаешь воспрепятствовать взрыву, надо первым делом погасить огонь.

Идолом всех властей, какова бы ни была их вывеска, империя или республика, был кулак. Сила, правда, в перчатках—замаскированная, нарумяненная, но всегда жестокая и уверенная в себе. По закону обратного действия она же становилась и законом угнетенных. То была глухая борьба между двумя противоположными давлениями. Там, где металл был изношен—прежде всего в России,—котел лопнул. Там, где покрышка была менее прочна—в нейтральных странах,—со свистом вырывался горячий пар. Обманчивое спокойствие царило в воюющих странах, на которых тяжелее всего сказывалось давление. Спокойствие это как будто утверждало притеснителей в мысли, что они правы: вооружившись на врага, они тем самым были вооружены также и против своих сограждан; военная машина всегда бывает о двух концах: один — спереди, другой — сзади; крышка плотно закрыта, она сделана из лучшей стали и привинчена гайками. Она не взорвется. Нет.—Эй, смотри! Все разом лопнет!

Ромэн Роллан.

„Красное море“.

Роман.

(Стр. 84, 85, 86, 87, 88, 89, 194, 196, 197, 199, 202).

В дверях, выходящих на двор, появилась какая-то высокая фигура, совершенно заслонившая свет, и начала, медленно и хромая, спускаться по ступенькам вниз. Фигура была на костылях и двигалась с трудом.

Минна увидела перед собой солдата с деревянной ногой. Он спросил ее:

— Здесь живет фрау Мюллер?

В подвальном этаже уже было темно, и Минна испугалась его голоса. Она не чувствовала в нем ни нетерпения, ни ожидания, ни тоски, а слышала только гадкий, хриплый, надломленный голос. Она испуганно и тихо проговорила:

— Да!

Этот человек стал нагибаться к ней все ниже и ниже. Она видела, как вращаются белки его глаз. Страшно испуганная, она уже хотела убежать. Вдруг он ее схватил.

— Не ты ли Минна? Минна Домбровская?—спросил он.

Она едва успела прошептать „да", как он ее поднял на руки и так крепко прижал ее к своей груди, что у нее перехватило дыхание. Она барахталась и отбивалась от него. Мюллерша говорила ей, что она, ни в коем случае, не должна позволять себя никому хватать и не должна ни с кем уходить. Но тут ничего не помогало. Этот чужой человек крепко держал ее в своих об'ятиях, целовал ее и стонал при этом...

. . . .

Так это отец? Он не привез с собой кожи для башмаков, и дети нисколько ему не обрадовались. Совсем иначе представляли они себе возвращение отца.

Станислав Домбровский сидел в комнате Мюллерши. Мальчик стоял перед ним и смотрел на него большими глазами. Мало ли что! Этак каждый, ведь, может сказать: „Я твой отец". Эрик уже много видал на своем веку и перестал быть легковерным, как прежде. Он недоверчиво посматривал на чужого человека. А Минна прямо сказала:

— У нашего отца было две ноги. Я это знаю хорошо.

Лицо Домбровского до такой степени искривилось, что почти стало похоже на маску. Казалось, он заплачет, но он громко засмеялся.

— Минна, — сердито крикнула Мюллерша, — не будь такая дерзкая! Скорее поцелуй отца... Вы не должны обижаться на нее, господин Домбровский. Она еще малое дитя и притом слишком боязливая...

Мюллерша хотела поправить дело и потому, подтолкнув Минну, прибавила:

— Ну, скорее, поцелуй своего отца!

Минна струсила. Она знала уже по опыту, что когда Мюллерша так смотрит, то это не предвещает ничего хорошего. Вся дрожа, она прижала свои губки к щетинистой щеке своего отца, пугавшей ее, пожалуй, еще больше, чем шлепки Мюллерши.

* * *

Станислав Домбровский был выпущен из лазарета. Искусственную ногу он мог получить только позднее и пока должен был довольствоваться деревяшкой. Это еще не было самое худшее. К хождению на костылях привыкают. Но дрожание, трясение... Голова у него тряслась во все стороны, и все тело пронизывала дрожь. Он был тяжело ранен и засыпан землей и обломками. Под ними он пролежал лишь немного часов, другие

выдержали гораздо больше, но для него оказалось достаточно и этого. „Хромой калека“,—говорил он про себя с горечью. Он уже не был прежним, несколько туповатым и добродушным рабочим. Если он теперь смеялся, то смеялся угрюмо. Когда у него бывали деньги, он покупал водку и напивался, но и водка не доставляла ему желательного утешения.

— Поеду к своей сестре, в Опаленицу, — отвечал он фрау фон-Фойхт, когда она спросила его, что он намерен делать. Ничего другого мне не остается. Мой зять не обрадуется. Но что же мне делать? Хромой калека...

Вагон трамвая был совершенно переполнен, и они с трудом в него влезли. Инвалид, однако, научился твердо устанавливать свой костыль. Ему удалось даже стоять твердо на одной ноге и во время хода поезда. Он стоял даже тогда, когда кондуктор, протискавшийся мимо него в вагон, чуть не столкнул его. Но дрожание и это проклятое трясение головы и всех членов всегда усиливалось при малейшем волнении и напряжении. Он заворчал на кондуктора, который взял его под руку, чтобы поддержать, и с бешенством взглянул на даму, которая встала со своего места и сказала ему: „Пожалуйста, садитесь“. Он даже не поблагодарил ее. Зачем она смотрит на него с таким состраданием? Всякий взгляд, выражающий сострадание, непременно приводил его в бешенство. Он не хочет никакой жалости, никакого сострадания. Ну, да, конечно! Эта особа в шелковом платье может простоять четверть часа. Ведь, стоял же он для нее под Верденом много часов! А эти часы стоили целых годов, такими они казались долгими. Вообще, все, которые сидят здесь и там на мягких скамейках, разговаривают, смеются, читают газету или книгу, не думают о том, что он сделал для них. Разве они все не должны бы вскочить и уступить ему место? А они остаются сидеть. Он пожертвовал для них своей ногой, своей крепкой, здоровой ногой, да еще вдобавок получил это дрожание, это проклятое трясение, от которого избавиться не может... И, сам того не сознавая, он застонал.

Все взоры обратились в его сторону: несчастный! И он услыхал чей-то голос, говоривший:

— Ужасно! Такому не следовало бы ездить на трамвае.

А на чем же ему следует ездить, скажите, пожалуйста? На автомобиле, что ли? Домбровский мрачно смотрел в пространство. Он не хотел ни видеть, ни слышать ничего. Но не мог помешать своим ушам слышать. Разве там не говорят о нем? С сожалением, с состраданием... О, проклятое сострадание! Они с ужасом говорят о нем... На лбу у него выступил пот...

Прошло несколько часов, прежде чем отошел поезд. Но они ждали терпеливо в огромном зале с заплеванным и выпачканным сотнями ног полом. Некоторые из проходивших мимо взглядывали на инвалида, и хорошо, что он не замечал этих взглядов.

Он сидел с опущенной на грудь головой, которая тряслась у него даже во сне. Но мрачное выражение исчезло, и только невыразимая печаль виднелась на его измученном лице, когда он сидел так, с закрытыми глазами. Ему рисовались мирные картины: деревня, потонувшая в зелени, дом сестры на краю пшеничного поля... У нее, по крайней мере, дети его будут сыты, будут довольны. Ну, а он, он? Лоб его сморщился, точно от приступа боли, и он застонал во сне.

Кто-то из проходивших мимо него бросил монету бедному инвалиду в поношенной солдатской шинели. Она упала ему на колени, но он даже не заметил этого. Минна тоже не заметила. Она заснула крепким детским сном, прислонившись к деревянной ноге отца, и щеки ее раскраснелись. Эрик, однако, видел и взял деньги. Отец стал бы ругаться: „Я не нищий,—сказал бы он,—брось!“ Но мальчик решил их припрятать для него.

В Киле гарнизон перешел на сторону матросов, на судах и на зданиях городских учреждений развевался уже красный флаг.

Красное, красное, красное! Это был цвет современной эпохи. Красная кровь, лившаяся потоками в течение нескольких лет, превратилась, наконец, в красное море, и это море, все расширяясь, катит свои волны все дальше и дальше, заливая все берега и с шумом вздымая валы. Это море достаточно велико, чтобы залить всю землю...

Люди, люди, везде люди. Но они были спокойны, ничего не говорили и только устремлялись вперед. Куда? Этого они и сами не знали. Какое-то жуткое спокойствие лежало на всем: на улицах, по которым разливался людской поток, на высоких домах,—и лишь время от времени раздавался стук тяжелых, железных ставень, спускаемых для защиты зеркальных окон какого нибудь большого магазина. Большинство лавок уже покрывалось. Отчего? Этого никто не мог сказать. Гул голосов раздался в толпе, и поток ее остановился. Кто сказал, — неизвестно. Правда ли это—тоже никто не знал, но один сообщал другому, и слух распространялся дальше, быстро передаваясь из уст в уста. Говор толпы переходил в крики. На углу каждой улицы раздавался громкий возглас. Кто-то кричал охрипшим от напряжения голосом: „Император отрекся! Кронпринц тоже!“...

Толпа остановилась в изумлении.

Раздались крики: „Долой Вильгельма! Долой Гогенцоллернов! Ко дворцу! Ко дворцу!“...

Откуда явились все эти рабочие, которые двигаются по улицам сомкнутыми рядами? Они уже с утра прекратили работу. Крупные заводы закрылись. Вожди рабочих указали им направление: итти к замку. Они шли безмолвно, посредине улиц,

и также безмолвно пропускали их мимо военные патрули в стальных касках и с ружьями за плечами. Вообще они держали себя так, как будто все это совершенно их не касалось. Да и что же они должны были сделать? Удерживать рабочих или пропустить их? Забирать? Но для этого не было поводов. И при этом они уже знали, что в некоторых казармах происходят сильные волнения. Там были выломаны двери. Офицеры ничего не достигли тем, что стреляли из окон. Солдаты побросали свои соломенные мешки и свой хлеб ликующей толпе и вышли с наполненными ранцами.

В казарме у Ораниенбургских ворот было то же самое. Там произошел настоящий мятеж, небывалый бунт. Огромная толпа ринулась туда. Военные бумаги, выбрасываемые из окон, летели на мостовую, сопровождаемые диким хохотом толпы, которая разрывала их на клочки и втаптывала в грязь. То же самое совершалось и в других казармах. Даже гвардейские стрелки, стоявшие в боевой готовности, отказались исполнять приказания офицеров. Кого же они должны защищать теперь? Императора, которому они приносили присягу, уже больше нет. Нельзя же проливать свою кровь неизвестно для кого и для чего. Рабочие, ведь, наши братья, в них стрелять нельзя!

Послышались крики, пение, ликование:

— Император отрекся. Да здравствует республика!

Роздали патроны, теперь народ вооружен. Подростки и дети дрались из-за них. Ручные гранаты бросали в воду, военное снаряжение расшвыривали по улице. Война кончена, этой дряни нам больше не нужно...

Шум такой, что оратор с величайшим трудом преодолевает его и до хрипоты напрягает голос, стараясь, чтоб его было слышно.

Но он все-таки продолжает говорить:

— Да будут прокляты те, кто нас толкнул в эту войну, кто вел нас на убой, как беспомощных баранов! Мы не хотели войны! У нас нет никаких внешних врагов, у нас есть только враги внутренние.

Большой грузовик с трудом прокладывал себе дорогу в толпе. Раздались бурные крики восторга:

— Либкнехт! Да здравствует Либкнехт!..

Партийный вождь стоял под большим красным флагом. Он кланялся толпе, приветствующей его, и что-то говорил, но расслышать можно было только отдельные слова: „Принудили к миру“... „Господство Гогенцоллернов миновало“... „Привет нашим русским братьям“. Восторженные крики народа нарушали связность речи, но никто не придавал этому значения...

Автомобиль исчез в воротах замка, стража пропустила его. Через несколько минут Либкнехт снова появился на том самом раззолоченном балконе, на котором некогда стоял король Фрид-

рих Вильгельм IV, вынужденный преклонить голову перед трупами убитых во время Мартовской революции, и с которого Вильгельм II провозгласил недавно: „Я не знаю больше никаких партий". Но это было прошлое. Теперь жило лишь настоящее. Ярко-красный ковер свешивался с балкона, выделяясь сияющим пятном на сером выветрившемся камне.

— Товарищи!—воскликнул он.—Я провозглашаю свободную социалистическую республику Германии. Через ворота этого замка выйдет новая социалистическая свобода. Она пойдет к солдатам и рабочим. Пусть на том месте, где некогда развевался императорский штандарт, теперь развевается красное знамя республики!".

Он поднял руку.

Замковая стража на крыше замахала в воздухе касками, и на флагштоке, вместо императорского штандарта, взвился красный флаг.

— Да здравствует свобода, счастье и мир!

Клара Фибих.

„Чаша скорбная".

(стр. 11, 81, 82 и 83).

Город только что просыпался, когда Шабановы в'ехали на широкую, по сторонам поросшую травой, улицу. У воинского начальника уже толпился народ. Около забора стояли разнузданные лошади и жевали сено.

— Вон Мишка Трутнев,—показал Михайло кнутовищем.

Боровские встретились и кучкой, словно боясь потерять друг друга, вошли во двор. Михайло с Матреной и Ванюшкой остались у телеги. Было шумно. Шныряли мальчики с белыми хлебами. Бойко торговала маленькая лавчонка семячками и пряниками. Два флага колыхались на воротах и придавали улице праздничный вид. Но невесел был праздник: бесцельно бродили призванные, не зная, как скоротать до приема время.

— Слышь, ребята, солдат сказывал: хранцуз за нас!—говорил кто-то в толпе у забора,—тоже будто англичанка...

— Ну, паря, ври: англичанка!—перебили его:—англичанка завсегда супротив нас.

— Пра слово, солдат сказывал! Быдто в газетах пропечатано.

— Это все, братцы, японец мутит!—вступился бородатый мужик.—Уж я его, шельму, призошел во-как!—Мужик вытянул корявые пальцы. Значится, как стояли мы под Лаояном...

— Это правильно: японец, не иначе!—поддакнул сосед,—немец он толстый, ему зад тяжело сдвигать, а япошка, как ерш. Это беспременно японец...

— А вот тоже говорят: у немца на все машина. Примерно сказать, хлеб сеять—машина, молотить—машина. Ежели сосчитать что,—чик и готово... Тоже, будто, машиной тучи разводит. Как это понимать, а?—На что-то озлобляясь, вдруг перебил бородатый.—Нет, ты мне скажи, как это понимать? Ты мне, этак, милый человек, богу молиться машиной станешь!

— Я что-ж, я—ничего...—заоправдывался сосед:—Я говорю, не иначе, как японец...

— Это уж поверь!—И оба, успокоившись, замолчали, прислушиваясь к разговорам.

В квартире председателя с'езда земских начальников было первое собрание дамского благотворительного кружка. Громадная висячая лампа освещала столовую. Тяжелел в углу дубовый буфет. Масляные картины, изображавшие живность, тянулись по стенам в золотых рамках. На белоснежной с голубыми каймами скатерти сердито бурлил никелированный самовар. Вазочки были полны вареньем. Пухлые столбики печенья желтели в цветных обложках.

Сама хозяйка, Юлия Петровна, высокая молодящаяся дама в локонах, сидела за самоваром. Человек шесть дам из местной интеллигенции пили чай и вели оживленную беседу. Разговор вертелся около хозяйства и мелких семейных вопросов.

— Как дорожает все!—В ужасе говорила казначейша, молодая бойкая дама.—Спрашиваю курицу: рубль двадцать! Вы не поверите, голубушка, я прямо так и ахнула!

— Ужасно, ужасно!—тряхнула хозяйка локонами.

— Телятина—сорок, головка—рубль, вымя... что такое вымя. Вымя—сорок пять. Это грабеж среди бела дня! Я исправнику Павлу Петровичу так и сказала: „Это грабеж среди бела дня!"

— Ужасная дороговизна,—поддержала казначейшу соседка.—Я говорю: война-то вот где нам сидит!—дотронулась она до шеи.—Не мешало бы позаботиться и о нас, кому следует..

В столовую вошел хозяин, плотный стриженый мужчина в щегольском пиджаке.

— Добрый вечер, добрый вечер!—на ходу говорил он сочным низким голосом и прикладывался к ручке.—Ну, как наши дела, наши бедные герои? На чем остановилось ваше просвещенное внимание?

— Мы, Серж, еще не начинали,—улыбнулась жена.—В это ужасное время видишься так редко. Накопилась масса впечатлений по своим женским маленьким делам: хозяйство, кухня, дети..

— Ах, я прямо изнервничалась за эту войну!—кокетничала с хозяином казначейша.—Поверите, Сергей Геннадьевич, ни минуты покоя.

— Да, господа, это священный долг каждого из нас—и мужчин и женщин. Родина—прежде всего!—хозяин поднял палец

с крупным золотым кольцом.—Каждый по своим силам. Мы мужчины,—организаторы. Да-с, мы организуем победу. „Все для победы“, это—страшные слова!

— Да, Серж, мы перейдем в гостиную и займемся делом.

— Великолепно! Позвольте откланяться!—расшаркался хозяин.—Уверен, что прекрасные дамские ручки смогут сделать для защитников родины не меньше, чем наши грубые рабочие руки.

И, раскланявшись, он твердой походкой вышел из столовой.

— Нам нужно, мэдам, решить: в чем же должна выразиться деятельность нашего кружка?—открыла Юлия Петровна собрание.

— Да, да, необходимо, и сейчас же, здесь же. Каждый час, каждая минута, я скажу больше: каждая секунда—это лишнее мученье солдатикам.

— Мы устраивали сбор, который дал нам...—председательница заглянула в маленькую, с золотым обрезом, записную книжечку.—Дал... 532 рубля 47 копеек. Сумма, как видите, не малая, другие города дали значительно меньше...

— Да-да...—перебила опять казначейша:—сумма громадная! Но нужно еще и еще и, я сказала-бы, еще раз еще!

— Но у нас ведь на очереди спектакль и лотерея...—заметила жена товарища прокурора.—Я положительно не успеваю. Целыми днями не вижу детишек: репетиция—собрание, собрание—репетиция. Мы делаем, что можем.

— Но, господа, нужда так велика!

Все заволновались, заговорили разом.

На следующий день казначейша встретила на улице Ольгу Петровну Чубарову.

— Голубушка, родная!—бросилась она обниматься.—Сокровище мое, да как же я давно не видела вас! Тоскуете, плачете? Не надо, цветочек мой, надейтесь на милость божию!—она часто замигала.—А у нас новость: дамский кружок—я, Юлия Петровна и другие там—мы открыли мастерскую солдатского белья.Каково, а? Первые, первые!

— Да, душечка, что-ж поделаешь? Будем страдать, будем шить белье, щипать... как ее?.. ну, эту... Пушечка, да скажи-же, что это на войну щиплют?—обратилась она к вошедшему мужу.

— Корпию, Мушечка.

— Корпию, корпию. Будем щипать корпию. Я заставлю щипать корпию моих детей. Дети!—крикнула она в детскую.

Выбежало пять девочек.

— Дети, завтра мы будем щипать корпию. Вы согласны?

— Да-да,—закричали, ничего не понимая, ребятишки и повисли на матери.

— Ну, идите к себе. Ах, Пушечка, ну, почему у нас так мало детей? Мы бы заставили всех щипать корпию...

Борис Тимофеев.

Литература об империалистической войне.

Помещая ниже список литературы об империалистической войне как политической, так и беллетристики и специально военной, мы, в виду огромной их важности, особо выделяем важнейшие работы В. И. Ленина, посвященные этому вопросу.

Список должен помочь оборудовать при уголке специальную книжную витрину, составить рекомендательные списки и вообще повести агитацию за ознакомление с соответствующей литературой.

I. Империалистическая война и беллетристика.

Барбюсс—В огне.
„ —Свет.
Дюамель—Цивилизация.
Лацко—До последнего человека.
Лефевр—Губка с уксусом.
„ —Солдатская война.
Тимофеев—Чаша скорбная.
Франк—Человек добр.
Фибих—Красное море.
Федорченко—Народ на войне.
Келлерман—9-е ноября.
Синклер—Джимми Хиггинс.
Эренбург—Хулио-Куренито.
Толстой—Хождение по мукам.
Кирк Патрик—Война ради чего? (полубеллетристич. форма).

II. Специальные работы, посвященные империалистической войне и ее последствиям.

Ленин и Зиновьев—Война и кризис социализма.
Зиновьев—Австрия и мировая война.
„ —Англия и Германия перед мировой войной.
„ —Война и кризис социализма.
Троцкий—Годы великого перелома.
„ —Программа мира.

Покровский.—Франция до и посла войны (с прил. статьи Садуля—„Франция, как страна тяжелой индустрии").

Империалистическая война, ее причины и следствия (сборник статей под ред. К. Шелавина). Изд. „Прибой".

Империалистическая война — материалы для агитаторов и пропагандистов. (Даты, цифровые данные, тезисы и воззвание Коминтерна). Изд. „Прибой".

Луначарский—Италия и война.

Павлович—Франция накануне мировой войны.

„ —Азия и ее роль в мировой войне.

„ —Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 г.г.

„ —Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ч. 1 и 2.

Павлович—Итоги мировой войны.

„ —Мировая война и борьба за раздел черного континента.

Мартов—Против войны.

Меньшой—Итоги мировой войны.

„ —Мировая война (с предисл. Зиновьева) П. Сов. Деп. 1918 года.

Меньшой—Мировая бойня и мировая революция „К четырехлетию мировой войны".

Меньшой—Цена крови (к 4-летию). П. Сов. Деп. 1918 г.

„ —Через горнило империалистической войны. Сб. ст. 1918 г. „Коммунист".

Роллан—В стороне от схватки.

Нитти—Европа над бездной.

Шпенглер—Закат Европы.

Р. Арский.—Рур—могила капитализма.

„ —Хаос Европы (буржуазные политики о последствиях империалистической бойни).

III. Ленин об империалистической войне.

Ленин и Зиновьев—Против течения.

Ленин—Империализм, как новейший этап капитализма.

Ленин—Первый этап русской революции. Собр. соч. т. XIV, стр. 5.

Ленин—Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией. Собр. соч., т. XIV, стр. 182.

Ленин—Печальный документ. Собр. соч., т. XIV, стр. 137.

„ —Резолюция о войне. Собр. соч., т. XIV, стр. 119.

„ —О войне (речь на С'езде Советов). Собр. соч., т. XIV, стр. 300.

Ленин—Речь о резолюции о войне. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 428.

Ленин—О поражении своего правит. в империалист. войне, т. XIII, стр. 429.

Ленин—Воинствен. милитаризм. Собр. соч., том XIV, стр. 104.

Ленин—Статьи и тезисы о мире вообще и о брестском мире. Собр. соч., т. XIV.

Ленин—Значение братания. Собр, соч., т. XIV, стр. 127.

Апрельские тезисы—(в сб. „Тактика большевизма").

Ленин—Империалистическая война и распад социализма. (Сборник статей). Изд. „Прибой".

IV. Военные операции и военная техника в империалистической войне.

Жоффр—1914—1915 г.г.

Гинденбург—Воспоминания.

Людендорф—Воспоминания.

Ньюболд—Как Европа вооружалась к войне.

Саджент—Стратегия на западном фронте.

„ —Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.

„ —Русский фронт, вып. I и II.

Ле-Эпаф и Борнек—Французские железные дороги и война.

Фрейтаг и Лорингофен—Выводы из мировой войны.

Военно-исторический сборник, вып. I, II, III и IV.

Лефербюр—Загадка Рейна.

Конечно, при рекомендации некоторых из перечисленных выше книг, требуется большая осторожность. Такие книги, как Эренбурга, А. Толстого, Нитви или Шпенглера, конечно, являются лишь материалом, могущим принести пользу в руках умелого агитатора. Рекомендовать их массовому читателю, не имеющему еще твердого коммунистического миросозерцания, не имеет смысла.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ОБРАЗЦЫ ПЛАКАТОВ.

Предлагаем вниманию политпросветработников следующие плакаты о войне:

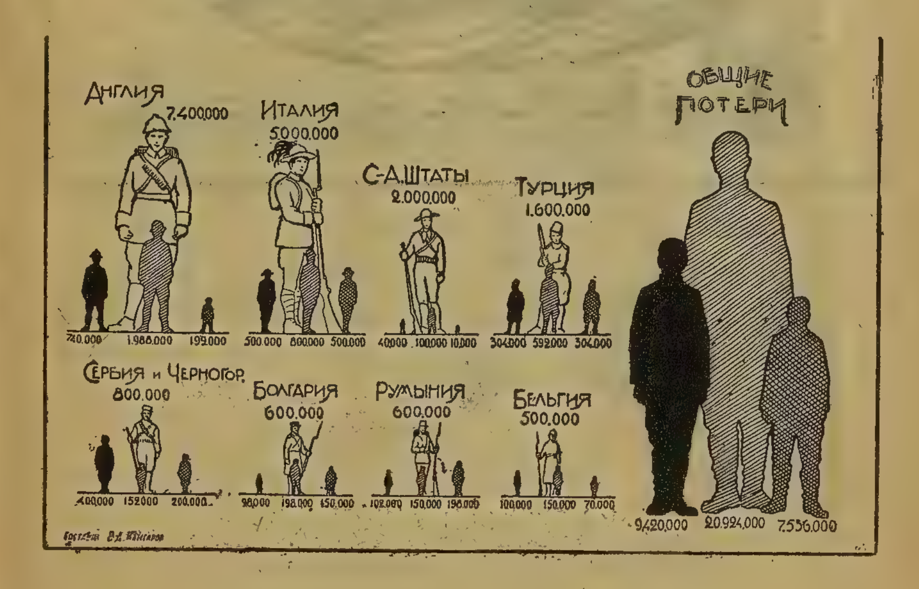

РАСХОДЫ НА ВОЙНУ
В МИЛЛИАРДАХ ЗОЛ. РУБЛЕЙ ПО ПАРИТЕТУ
АНТАНТА
АНГЛИЯ
76,841
ФРАНЦИЯ
49,530
РОССИЯ
39,809
С.А.С.ШТ.
33,329
ИТАЛИЯ
15,798
БЕЛЬГИЯ
11,961
ПР.ГОС.АНТ.
7,869
ЦЕНТРАЛЬН. ГОСУДАРСТ.
ГЕРМАНИЯ
64,806
АВС.-ВЕНГ.
39,366
ТУРЦИЯ и БОЛГАРИЯ
11,572
СОСТАВИЛ В.Д.КАЙСАРОВ

ВОЕВАВШИЕ ГОСУДАРСТВА, НАСЕЛЕНИЕ и ИХ ПОТЕРИ ЛЮДЬМИ.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Численность населения в 1914 г.
Потери
АНГЛИЯ
434.500.000
1.700.000
РОССИЯ
180.300.000
13.000.000
С.А.ШТАТЫ
109.000.000
400.000
ФРАНЦИЯ
89.000.000
3.350.000
ГЕРМАНИЯ
80.300.000
6.200.000
ЯПОНИЯ
74.000.000
АВСТР.-ВЕНГР.
52.800.000
5.800.000
ИТАЛИЯ
37.250.000
2.150.000
ТУРЦИЯ
21.500.000
1.400.000
РУМЫНИЯ
7.100.000
450.000
СЕРБИЯ и ЧЕРН.
4.800.000
1.200.000
БОЛГАРИЯ
4.800.000
БЕЛЬГИЯ
22.700.000
360.000
СОСТАВИЛ В.Д.КАЙСАРОВ
Т.

Численность армий и их потери
Условные обозначения
Численность армии
Потери: убито ранено пленных
Россия
15.000.000
2.550.000 5.700.000 2.550.000
Германия
11.000.000
1.980.000 4.500.000 990.000
Франция
9.000.000
1.530.000 4.500.000 540.000
Австро-Венгр.
9.000.000
1.440.000 1.980.000 1.800.000

Англия
7.400.000
740.000 1.988.000 192.000
Италия
5.000.000
500.000 800.000 500.000
С.-А. Штаты
2.000.000
40.000 100.000 10.000
Турция
1.600.000
304.000 592.000 304.000
Сербия и Черногор.
800.000
400.000 152.000 200.000
Болгария
600.000
98.000 198.000 150.000
Румыния
600.000
102.000 150.000 196.000
Бельгия
500.000
100.000 150.000 70.000
Общие потери
9.420.000 20.924.000 7.536.000

Рисунки взяты из «Спутника Рабочего» на 1924 г.
Изд. «Прибой».

СОДЕРЖАНИЕ.

2

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ».

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА.

Отдельные сочинения В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА).

Вып. 1. Что делать. Наболевшие вопросы нашего движения.
„ 2. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии).
„ 3. Две тактики социал-демократии в демократической революции.
„ 4. Империализм, как новейший этап капитализма.
„ 5. Государство и революция.
„ 6. О Марксе и марксизме.
„ 7. Очередные задачи Советской власти.
„ 8. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия).
„ 9. О кооперации.
„ 10. От русской революции к мировой (письма к иностранным рабочим).
„ 11. О религии.
„ 12. Уроки Ильича.

Кроме того издано „ПРИБОЕМ“:

Г. Зиновьев. В. И. Ленин, его жизнь и деятельность.

А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин—описание его жизни.

На могилу Ильича.—Статьи, характеристики, воспоминания.

О. Барабашев. Чему учил Владимир Ильич молодежь.

Об Ильиче. — Сборник статей и материалов, собранных Ленинградским Бюро Истпарта.

Г. Сафаров. Основы ленинизма.

С. Канатчиков. Ленин и крестьянство.

К. Шелавин. Введение в изучение ленинизма.

Н. Батурин. Очерки по истории соц.-дем. в России.

Протоколы II-го С'езда Р. С.-Д. Р. П. со вступительной статьей и комментариями П. Лепешинского.

Печатаются:

В. Быстрянский. Систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина.

Л. Булгакова. Материалы для библиографии Ленина.

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77.

Москва: Московское отделен. издательства „ПРИБОЙ", Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.